

М. М. Кубланов

**МЫСЛИТЕЛИ
ДРЕВНОСТИ
О
РЕЛИГИИ**

*Научно-популярная
БИБЛИОТЕЧКА
по атеизму*

М.М. КУБЛАНОВ

**МЫСЛИТЕЛИ
ДРЕВНОСТИ
О
РЕЛИГИИ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1960**

В этой брошюре рассказывается о том, где, когда и почему возникло неверие в богов и сверхъестественные силы. Автор излагает историю борьбы религии и атеизма в Китае, Индии, Египте, Двуречье, Греции и Риме.

Религиозные представления зародились у людей в глубокой древности, когда человек чувствовал себя совершенно бессильным перед лицом грозных явлений природы и казавшихся загадочными событий общественной жизни. Но уже в очень далекие времена передовые мыслители многих народов поняли, что религия является одним из величайших заблуждений человеческого ума, что она порождена суеверием и страхом и выгодна лишь жрецам и священникам. Они нашли в себе мужество для того, чтобы смело и открыто заявить: «Мир не создан никем из богов и никем из людей».

Атеистические идеи мыслителей прошлого весьма актуальны и в наши дни. Они не только оказали огромное воздействие на историю развития мировой атеистической мысли, но и сегодня могут быть использованы в борьбе против религии.

Брошюра рассчитана на широкий круг читателей — пропагандистов-антирелигиозников, партийный и советский актив, учащихся.

Отзывы и пожелания просим посылать по адресу: Москва, Д-47, Миусская пл., 7, Госполитиздат, редакция научно-атеистической литературы.

I. ВВЕДЕНИЕ

«Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях... Критика неба превращается, таким образом, в критику земли... критика теологии — в критику политики».

(К. МАРКС)

Есть в Библии очень наивная сказка. В ней повествуется о том, как в божественном саду Эдемском в полном бездействии и неведении жили два первочеловека — Адам и Ева. И были они до такой степени свободны от всякого знания, что не ведали даже о собственной своей наготе. И это было хорошо.

Но однажды, не без участия, разумеется, змия-искусителя, отведали они от «древа познания». Ибо, с неодобрением замечает безымянный автор этого рассказа, древо познания «вожделенно» для людей. И они прозрели и поняли, что хорошо и что плохо, и распознали свою наготу, и устыдились ее. Но вот это с точки зрения религиозной добродетели было уже грехопадением. И бог изгнал за это Адама и Еву из рая.

Так в сказочных мотивах древней библейской легенды стихийно отобразился извечный антагонизм между религиозным благочестием, основанным на слепой вере, и природным стремлением человечества к знанию. «Если чудеса необходимы для доказательства бытия божия, — отмечает один современный индийский философ, — то наука всегда убивала бога»¹.

¹ С. Радхакришнан. Индийская философия, т. I. М., 1956, стр. 207.

Человеческие заблуждения имеют столь же древнюю историю, как и история человеческого знания. Прежде чем человек научился обрабатывать камень и превращать его в целесообразное орудие труда, он, несомненно, проделал тысячи и тысячи неудачных опытов по скалыванию, стесыванию, полировке. Прежде чем человек научился правильно оценивать те или иные явления и события, происходившие вокруг него в мире, он производил в своей голове тысячи и тысячи ошибочных оценок. И в том и другом случае мудрым судьей, который определял, что хорошо и что плохо, что правильно и что ложно, являлась трудовая деятельность людей. Только в практической деятельности проверялась целесообразность и эффективность новшеств и улучшений, вводимых человеком в приемы охоты, собирания пищи, использования огня, изготовления одежды.

Жизнь, практика первобытного человека была источником и критерием тех оценок, которые давал человек явлениям окружающего мира. Закат солнца и наступающая за ним ночь, тяжелые тучи и сопровождающая их гроза; северный ветер и похолодание, увядание растительности и ее новый расцвет производили, конечно, глубокое впечатление на неискушенный ум древнейших людей. Повторяемость подобных явлений, повторяемость последствий, вызываемых ими, и явилась основой для тех выводов, которые мы до сих пор находим в фольклоре, в поговорках, в различных проявлениях житейской народной мудрости. Ласточки низко летают — к дождю, ласточки высоко летают — будет ведро; красный закат — жди ветра, снежная зима — год будет урожайным. «Дикари и варвары, — писал один из известных этнологов 2-й половины XIX в. Э. Тейлор, — обладают обширным количеством эмпирических знаний и, действительно, без них борьба за жизнь была бы совершенно невозможной. Примитивному человеку известно многое насчет свойств вещества. Он знает, что огонь жжет и вода мочит, что тяжелый предмет тонет, а легкий плавает, какой камень может служить для топора и какое дерево для топорища, какие растения годны в пищу и какие — яд, каковы привычки животных, за которыми он охотится или которые могут сами напасть на него. У него есть лучшие понятия о том, как надо лечить, и еще лучшие понятия о том, как убивать. В известном

грубом смысле он оказывается физиком в добывании огня, химиком в приготовлении пищи, хирургом в перевязках ран, географом в знании своих рек и гор, математиком в счете по пальцам. Все это — знания...»¹

Такого рода житейские, эмпирические знания начали складываться одновременно с формированием общественного человека и человеческого общества. По мере развития трудовой деятельности они расширялись и в известной мере углублялись.

Благодаря специфически человеческой, коллективной форме деятельности — труду с использованием орудий — человек встал в особое отношение к природе, которое дало ему возможность овладевать веществом природы в его внутренних свойствах и качествах. На основе этого происходит имеющий огромное значение прогресс в развитии мыслительной деятельности человека. Гигантски развивается способность человека к обобщению результатов его взаимодействия с природой, данных трудового опыта и навыков. Происходившее наряду с этим развитие членораздельной речи дало человеку могучее средство закрепления и развития этих обобщений в системе вторичных сигналов — в слове, обладающем возможностями широчайшей абстракции, осуществления самых разнообразных операций отвлеченного порядка.

Однако возникновение такой возможности еще не означало, что человек в прогрессе практической деятельности получал достаточный опытный материал, который позволил бы ему делать подобные обобщения на научной основе. Слишком еще мало было в руках людей средств для познания сущности тех явлений, с которыми они сталкивались, для познания причинной обусловленности тех свойств вещей, которые уже использовались в трудовой деятельности. Слишком узок еще был для этого круг производственной практики. Даже в более поздний период, в эпоху позднего палеолита, когда человеческое мышление оказалось способным образовывать общие понятия, их содержание отнюдь не было строго научным.

Кремнетес, например, знал лишь, что при определенным образом нанесенном ударе от кремневого желвака откалывается сравнительно тонкая и ровная пластинка, пригодная для изготовления орудия. Особенностей

¹ Цит. по В. И. Равдоникас, *История первобытного общества*, ч. II, Л., 1947, стр. 136.

структурного строения минералов он, конечно, постигнуть не мог. Гончар выявил и использовал в практической жизни свойство глины коренным образом меняться в результате обжига, однако химическая подоплека этих превращений была для него скрыта. А первые металлурги, получая железо в результате так называемого сыродутного процесса, конечно не знали, что сущность его заключается в восстановлении окиси железа окисью углерода.

Внутренние связи происходящего не могли быть распознаны в те времена, и знания, полученные в результате накопления житейского опыта, были эмпирическими, не выходили за рамки простой констатации повторяемости определенных явлений: за ночью должен последовать день, посев семян в землю должен завершиться их прорастанием и умножением, болотная руда, помещенная в определенным образом устроенную печь, должна превратиться в железо. Поэтому, будучи сами по себе правильными, факты так называемой житейской мудрости не ограждали еще человека от фантастического, иллюзорного осмысления сути явлений. А потребность в таком осмыслении, по мере развития общественного сознания, становилась все более настоятельной. Так возникают фантастические, иллюзорные объяснения природы вещей, их сущности. Эти фантастические представления древних, ставившие на место действительных связей и закономерностей явления и свойства духовного, психического мира человека, и явились той основой, на которой выросло религиозное мировоззрение.

Уже очень рано люди познакомились с лекарственными травами, но, не умея вскрыть внутреннюю механику их целебного действия, они связали это с определенной магической силой, будто бы присущей этим травам. Так переплелись и надолго удержались в народной медицине факты рационального житейского опыта с фантастическим осмыслением целебных свойств некоторых растений.

Эскимосы в недавнем прошлом объясняли продолжительные осенние ветры и жестокие зимние бури, господствующие в этом краю, происками хозяйки погоды, владычицы бурь и ветров, уродливой Асияк. Раньше, свидетельствует эскимосская мифология, когда Асияк путешествовала по вселенной в поисках мужа, она еще

баловала людей хорошей погодой. Но, не находя взаимности в своих любовных исканиях, она озлобилась и вот результат: погода все чаще и чаще плохая.

Одно из крупнейших достижений человечества на заре истории — открытие способа добывания огня посредством трения — также получило фантастическое осмысление. По мифическим воззрениям многих народов, дерево при трении возгорается потому, что в нем заключено само божество, «сын силы», могучий Огонь. «Тебя, о Агни¹, — читаем мы в одном древнеиндийском гимне, — сокрытого, находили потомки Ангираса², тебя, присутствующего каждому куску дерева. Ты рождаешься, когда трут (куски) с большой силой. Поэтому тебя называют (сыном силы)...»³

Такое же фантастическое осмысление получило и открытие плавки железа. Загадочное с точки зрения древнего человека превращение руды в твердое железо породило суеверный страх перед носителями этого загадочного искусства — кричниками и кузнецами. Их мастерство считалось колдовским. Они становятся объектами поклонения, и мифология вводит в свои пантеоны богов — кузнецов. В Греции таким богом был Гефест, в Риме — Вулкан, у славян — Сварог. А языки многих народов до сих пор удерживают отзвуки этих древних представлений: слово «коварный» этимологически связывается в русском языке со словом «ковать», «коваль», а слово «козни» со словом «кузнец».

По мере того как расширялась и усложнялась трудовая деятельность людей и их непосредственное общение с «веществом природы», по мере того как они овладевали новыми орудиями труда, новыми отраслями хозяйственной деятельности — скотоводством, земледелием, ремеслами, по мере того как их мозг вбирал в себя все новые и новые наблюдения над окружающим миром, мир выступал перед ними во все более сложных связях и противоречивых качествах. Огонь греет, но лесной пожар все уничтожает. Солнце вызывает рост растительности, но оно же своими палящими лучами и губит ее. Дождь способствует урожаю, но ливень смывает посев.

¹ Агни — древнеиндийский бог огня.

² Ангирас — легендарный индийский мудрец.

³ С. А. Данге, Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, М., 1950, стр. 55, примечание 3.

Общаясь с природой, человек открывал в ее стихийных силах свойства и действия, которые на примитивной стадии развития знания не могли быть объяснены из узкого круга простейших закономерностей, познанных и осмысленных к этому времени. Сложный характер объективных законов природы, проявление их во взаимодействии случайности и необходимости, в различных связях и отношениях, в зависимости от которых становился иным и их результат,— все это было выше понимания первобытного человека и тем более поэтому интриговало его и требовало своего объяснения.

Но на ранней ступени своего развития люди еще не отделяли свою сущность от непознанной ими сущности окружающей природы. Это было стихийное осознание человеком своей общности с природой, своей близости к ней. Однако в те времена человек не мог еще в силу слабого развития общественной производственной практики научно осмыслить действительный характер и действительное содержание этой общности. Такое стихийное осознание ее приводило к неправомерным аналогиям и фантастическим выводам. Люди стали наделять природу свойствами, наиболее близкими им и казавшимися поэтому наиболее понятными,— свойствами, присущими самому человеку. Возникает представление о том, что стихийные силы, подобно людям, могут быть добрыми и злыми, могут оказывать помощь и приносить вред. Они живут и действуют, они страдают и радуются, они испытывают голод и сытость, у них есть враги и друзья.

Вот случилось солнечное затмение. Оно не уместается в рамки привычного течения суток; оно — нарушение житейской эмпирической закономерности смены дня и ночи. И первобытное мышление, будучи не в состоянии вскрыть естественные причины этого явления, конструирует сверхъестественные: оно видит в нем попытку враждебных сил похитить дружественное человеку светило. Согласно мифологии некоторых племен Америки, это гигантское небесное чудовище (по другой версии собака) подкралось к солнцу и пытается пожрать его. Люди с воинственными криками бросаются на улицу, бьют в барабаны, мечут в небо горящие копыя и стрелы. И когда затмение кончается, они расходятся глубоко удовлетворенные: на этот раз удалось отогнать страшного дракона и освободить солнце.

Вот случилось наводнение. Это дух реки разгневался за что-то на живущих по берегу. Необходимо пойти с ним на мировую, дать ему пищу, принести умилоостивительную жертву...

А вот облава, устроенная на животных, закончилась большим успехом: заготовлено много мяса и на некоторое время обеспечена сытая жизнь. Чья в этом заслуга? Стрелков? Загонщиков? Но те же самые охотники возвращаются часто без добычи. Значит, не в их умении дело. И фантазия первобытного человека поселяет на небесах духа-хозяина промысловых зверей, который в одном случае разгоняет животных при приближении охотника, в другом — ведет зверя прямо на охотничью стрелу. Разумеется, такое благосклонное поведение духа не может остаться без вознаграждения со стороны людей.

Так складывались представления, одухотворявшие стихийные силы природы, населявшие весь мир добрыми и злыми, могучими и малосильными, главными и второстепенными духами, которые активно вмешиваются в жизнь людей. Это, в свою очередь, породило целый ряд приемов, которыми эти сверхъестественные силы в фантазии людей ставились им на службу или обезвреживались. Возникает обрядовая магия, которая в конечном счете является источником и первоосновой всех позднейших религиозных систем, как самых примитивных, так и наиболее развитых и современных.

Таковы некоторые истоки религиозного миропонимания. Первоначально силы природы, а затем и общественные отношения, которые к этому времени приняли характер господства и подчинения, приобретают в глазах первобытных людей черты сверхъестественных сил и становятся объектом суеверного почитания. «...Всякая религия,— писал Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы... Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы,— силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для него, как и силы природы, и подобно послед-

Фетиш

из западной Африки.

Поклонение неодушевленным предметам какместилищу различных духов возникло в первобытных религиях древности. Представления подобного рода удерживаются и в современных религиях в форме почитания икон, ладанок, «святых мест» и т. п.

ним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил. На другой, дальнейшей ступени развития вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека...»¹

Сверхъестественные силы, поделенные на добрые и злые, требуют к себе различного подхода: одних следует умиловить молитвой, постом, приношениями, действия других необходимо отворотить определенными магическими приемами. И, право, нет принципиальной разницы между поклонением кабаньему клыку, служившему амулетом (оберегом), первобытного человека и ношением нательного крестика современным христианином: и то и другое вызвано верой в несуществующее, и то и другое порождено невежеством и страхом.

Как мы уже говорили, труд — этот подлинный творец и человека и его мира — обогащал опыт людей конкретными знаниями. Но, несмотря на их рост, эти простые, эмпирические сведения, не вскрывающие глубоких, внутренних связей явлений, не могли оградить человека от религиозных иллюзий. Более того, какое-либо нарушение привычного, ожидаемого, как бы освященного этим

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 299—300.

житейским опытом хода явлений оказывалось достаточным основанием для возбуждения религиозной фантазии.

В природе не существует безусловных граней, отделяющих одно явление от другого, и мы не могли бы указать конкретный рубеж в древнейшей истории, по одну сторону которого располагалась бы ступень эмпирического познания мира человеком, а по другую — ступень познания мира в той форме, которую мы называем наукой, системой научных знаний. Переход от одного этапа к другому представляет собой длительный и далеко не прямолинейный процесс. Он определяется всем ходом исторического развития человечества, развитием его производительных сил и общественной практики, на основе которых сложилась потребность в овладении более сложными, более общими связями явлений окружающего мира. По-видимому, условия возникновения системы научных знаний появляются на той стадии, когда родовой строй, — эта начальная общественно-экономическая ступень в истории человечества, — изжил себя, и на его развалинах стали складываться первые классы и первые рабовладельческие государства (около 4—5 тыс. лет до н. э.).

Этот переход и связанные с ним социальные и политические потрясения вызвали переоценку старых ценностей. Они породили стремление проникнуть в сущность происходящих событий, понять и объяснить их. Они способствовали подрыву устоявшихся представлений, в том числе и представлений религиозных.

С другой стороны, новые возможности развития производительных сил, создавшиеся при этом переходе, породили и новые задачи. Морские походы и потребность в ориентировке вызвали

Фетиш, отвергающий злых духов. Бенин.

Распятая женщина, принесенная в жертву богу дождя. Бенин.

систематические наблюдения за движением звезд. Необходимость определения площадей земельных участков, планировка городов, проведения оросительных каналов, устройство плотин и дамб положили начало выявлению некоторых законов геометрии и тригонометрии. Интенсивная строительная деятельность — постройка огромных погребальных пирамид, крепостных сооружений и зданий — способствовала не только овладению искусством строительного дела, но и проникновению в законы механики. Возросшая потребность в календаре и более точном отсчете времени суток привела к необходимости пристального ознакомле-

ния с характером движения Солнца и Луны. Расширение географического кругозора обусловило начало систематизации знаний о самой Земле. Всюду шли поиски более общих закономерностей и более глубоких связей явлений в природе и обществе. «Как надо понимать находки морских раковин высоко в горах, далеко от моря? — ставит вопрос мудрец древней Греции. — Не следует ли отсюда, что эти горы когда-то были покрыты водой? А как оценить отпечатки древесных листьев, встреченные глубоко в земле, в древних шахтах?..» А на другом конце известной тогда Земли, у древнего мыслителя Китая возникают сомнения относительно «божественного неба»: может ли оно по своему произволу оказать пагубное влияние на жизнь общества, если люди целесообразно трудятся, энергично развивают земледелие и ремесла и разумно относятся к своему здоровью? Подозрению подвергаются и «духи предков», попустительствующие социальной не-

справедливости, и боги, поскольку их никто не видел, и действенность жертв, возносимых богам.

Новые горизонты, открывавшиеся при этом поступательном движении науки, порождали у передовых мыслителей своего времени более общие вопросы человеческого бытия и мироздания: что такое смерть и отделима ли душа от тела? Что является первоосновой мира и есть ли божественный творец? Они прибегают к методу анализа, ищут и группируют факты; в противовес религиозным учениям своего времени они пытаются добраться до естественных основ всех явлений, стихийно становясь при этом на путь материалистического миропонимания. И хотя их решения во многом наивны, сама попытка объяснения мира из него самого, из естественных закономерностей явилась подлинным вызовом религии.

Семена сомнения дали всходы еще в глубокой древности. В памятниках письменности, отстоящих от наших дней на расстоянии в 3—4 тысячи лет, мы уже встречаем мысли и утверждения, полные религиозного скептицизма и неверия. Древнейшие цивилизации мира,— Китай, Индия, Вавилония, Египет,— создали яркие образцы свободомыслия и скептического отношения к религии. Античный мир поднял эти идеи на новую ступень и в лице своего величайшего мыслителя Лукреция дал яркую для того времени атеистическую аргументацию по всем основным проблемам мироздания.

НЕБО НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЛЮДЕЙ НЕСЧАСТНЫМИ

Если представить себе историю человечества как книгу, состоящую из страниц и глав, то надо будет признать, что наиболее древние страницы этой книги принадлежат Китаю. Археологические раскопки последних десятилетий выявили неподалеку от Пекина, в глубокой пещере, остатки скелетов первобытных обезьянолюдей — синантропов, живших здесь, вероятно, полмиллиона лет назад, грубо обработанные осколки камня — их орудия, следы первых в истории костров.

В течение следующих сотен тысяч лет, в период после палеолита (древнекаменный век), районы современного Китая были заселены многочисленными племенами и народностями. Новокаменный век, медно-бронзовый век, железный век представлены здесь разнообразными памятниками.

Позднее, уже в период возникновения письменности, наиболее заселенным районом была обширная территория в долине великой китайской реки Хуанхэ — Желтой реки и ее многочисленных притоков. Здесь, в долине Хуанхэ, лежали плодороднейшие лёссовые земли, дававшие обильные урожаи, в предгорьях росли мощные девственные леса, а в плавнях и болотах низовий водились тучи водоплавающей дичи.

Но эти прекрасные места, как будто специально созданные для процветания рода человеческого, не были благодетельным раем. В горах жили воинственные враждебные племена, постоянно угрожавшие жизни и благополучию жителей равнины. Хуанхэ и ее притоки,

засоряя свои устья, часто выходили из берегов и приносили людям жесточайшие бедствия. Плавни таили в себе не только полезную дичь,— они скрывали и страш-

Дракон. Орнаментальное украшение пекинской планисферы.

ных хищников — тигров, губивших первобытных охотников.

Так в ходе жизни и деятельности поколений люди сталкивались с противоположными началами, господствующими в природе, и подмечали, что их соотношение меняется с течением времени. Возникли представления о периодическом перевесе одних сил природы над другими. «...уже давно,— читаем мы у одного древнего китайского философа,— с тех пор, как свет стоит, всегда следовали за временами порядка времена смятений»¹. Мир полон противоположностей; они постоянно борются

¹ М. Рейснер, Идеологии Востока. Очерки восточной теократии, М.—Л., 1927, стр. 293.

между собой; они вместе с тем теснейшими узами взаимосвязаны. Свет немислим без тьмы, но свет и борется против тьмы; увядание противоположно цветению, но цветение завершается увяданием; смерть враждебна жизни, но она же — оборотная сторона жизни... Какие-то таинственные силы переплели противоположные начала так, что они и враждебны и необходимы друг другу. Такие представления, складывавшиеся в процессе непосредственного общения человека с природой, легли в основу и религиозных представлений и противоположного им направления — свободомыслия древних китайцев.

В древней китайской «И-Цзы» — «Книге перемен» — эти представления отразились в специальной системе священного гадания, где фигурируют два противоположных друг другу и вместе с тем связанных друг с другом знака — понятия. Одно из них выражало мужское начало — Янь. Другое — женское начало — Инь. Мужское начало, по представлению древних китайцев, — светлое, активное, творческое; женское — темное, пассивное, слабое. Свет — мужское начало, тьма — женское. Небо — мужское начало, земля — женское. Они противоположны друг другу, но они и взаимно необходимы. По мифологическим представлениям китайцев, небо — отец, высшее божество, глава духов. Солнце и луна — «очи неба», гром — «голос неба», звезды — «облачения неба», дождь — «семя неба». Земля — мать. Таящиеся в ней производительные силы могут проявиться только под влиянием отца. И каждый год, начиная с зимнего солнцестояния, когда свет начинает одолевать тьму, небо-отец заново вступает в связь с землей. Он согревает ее своим оком — солнцем и пробуждает в ней плодородные силы оплодотворяющим весенним дождем... Так, в опоэтизированной фантастической форме отразились в сознании людей действительно наблюдаемые ими, но не распознанные явления.

Религия древних китайцев прошла те же ступени развития, что и религия других народов. Вся природа была населена духами — добрыми и злыми, помогающими людям и вредящими им. В древних надписях, употреблявшихся для гаданий, встречаются упоминания духов земли, гор, рек, солнца, луны, дождя, ветра. Наряду с этим у китайцев был распространен дух предков. Китайцы верили, что у человека есть особая душа, даже

две души, которые после его смерти покидают тело и, продолжая где-то обитать, вмешиваются в дела своих родичей и могут оказаться для них как полезными, так и вредными. Поэтому духов предков старались задобрить различными приношениями, великолепием похоронного обряда и т. п.

Когда в Китае стали складываться государства (около 2 тыс. лет до н. э.), а во главе государств появились верховные правители — цари, эти новые общественные отношения получили преломление и в фантастических представлениях древних китайцев, в их религии. Над всеми духами небесными и земными возвысился верховный дух Шан-ди — Небо. Китайские цари стали именовать себя «сынами неба», освящая таким образом свою земную власть этим высоким родством. «Небо, — читаем мы в древней «Шу-Цзин» — «Книге установлений» — дало народу государей и наставников для его охраны и руководства; те и другие помогают Шан-ди в деле мирного управления империей...»¹ Древняя «Ши-Цзы» — «Книга песен» — называет императора наместником Шан-ди. Основатель китайской династии Чжоу У-ван обосновывает свое право на верховенство тем, что небо якобы избрало его для этой миссии взамен греховодного царя старой династии Шан и что если бы он не последовал велениям неба, то тем самым он совершил бы тяжкий грех. Земные дела связываются с верховным небесным правителем, а религиозная фантазия придает им причудливые и искаженные формы. Однако за этими представлениями все же нетрудно распознать их земной прообраз.

Вообще небосвод, по верованиям китайцев, теснейшим образом связан с землей. Вот в темном ночном небе вырисовываются белесоватые очертания Млечного пути. По представлениям китайцев, это не что иное, как «волнующаяся влага», «серебряная река», небесная Хуанхэ; она где-то сливается с Желтой рекой на земле; некий китаец ухитрился даже прокатиться по ней на особом плоту, а другой китаец, занимавшийся астрономией, узрел на Млечном пути блуждающую звезду, которая была ничем иным, как этим плотом...

¹ С. Георгиевский, Мифические воззрения и мифы китайцев; СПб, 1892, стр. 2.

Бронзовый ритуальный сосуд из раскопок в провинции Шэньси. На сосуде надпись: «...достолавный Вень-ван получил от Неба... народ и территорию...» По представлениям древних китайцев, царь обязан своим положением и властью «божественному Небу».

личных созвездий, повторявших названия уделов земных, и целые россыпи звезд, олицетворявшие души верноподданных... «Даже туманные образования в мозгу людей,— писал Энгельс,— и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками»¹.

Но не только «туманными образованиями» религиозной фантазии отмечено духовное развитие древнего Китая. В процессе трудовой деятельности поколений китайцев, в ходе их борьбы со стихийными силами природы складывались и развивались и научные знания о природе, о различных явлениях окружающего мира.

Уже в глубокой древности в Китае стала развиваться астрономия. Наблюдая из поколения в поколение за движением Солнца и Луны, изучая звездное небо, древние

Звезды — местожи-тельство душ. На небе китайцы созерцали и созвездие, именуемое «Небесные могилы» и «Седалище (трон) пяти императоров». Пятнадцать звезд, расположенных вокруг Полярной звезды — местопребывания «Небесного государя», — китайцы называли «Первым министром», «Старшим советником», «Младшим советником», «Старшим охранителем» и т. п. Двор «Небесного государя» имел ту же структуру, что и двор земного «Сына неба». И так же как и на земле, на небесах были свои уделы в виде раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 25.

астрономы уже во II тысячелетии до н. э. создали лунно-солнечный календарь, довольно совершенный для своего времени. С конца II тысячелетия они стали вести систематические наблюдения солнечных затмений и установили периодический характер этого явления. В VII в. до н. э. для некоторых определений уже пользовались солнечными часами, вели фиксацию комет и метеоров. В IV в. до н. э. астрономы Гань Де и Ши Шень создали первый в мире звездный каталог, который на рубеже нашей эры был усовершенствован и учитывал 2500 звезд.

Древнекитайский астроном Чжан Хэн (78—139 гг. н. э.) создал ряд важнейших приборов по астрономии и сейсмографии.

Высокого развития достигла математика. На рубеже нашей эры в Китае имели хождение «Книга об алгебраическом исчислении при помощи бамбукового шеста» и «Арифметика в девяти главах» — книга, обработанная по более ранним источникам Чжан Чаном и Ген Чжоучаном. Из этих пособий видно, что в Китае в это время умели измерять расстояние между Землей и Солнцем, решать уравнения первой степени с двумя и тремя неизвестными. Здесь впервые в истории математики встречаются понятия об отрицательных числах. Еще до нашей эры китайцы знали то уравнение, которое мы называем теоремой Пифагора, умели извлекать квадратный и кубический корень, возводить двучлен во вторую и третью степень, измерять площади, объемы, окружности.

На основе земледельческих занятий китайцы, по-видимому очень рано, еще до нашей эры, познакомились с очень многими растениями. Так, уже в «Книге песен» упоминается свыше 200 видов дикорастущих и культур-

Сейсмограф Чжан Хэна.
Древнейший прибор для
определения эпицентра
землетрясения.

Бянь Цао, обнаруживается знакомство с анатомическим строением тела. Бянь Цао создал свою теорию пульса и патологических явлений в организме. Китайская медицина разработала приемы прижиганий и акупунктуры, которые привлекают к себе внимание современной медицины. Было выявлено значение лечебной гимнастики и массажа для продления человеческой жизни. Намечилась специализация врачей.

Высокого для своего времени уровня достигли китайцы и в развитии ремесла. Усовершенствование техники обжига гончарных изделий и в особенности распространение

ных растений. Выработываются представления о значении чередования культур на посевных участках, о пользе трехпольной системы обработки земли, внесения удобрений в почву и т. п.

Значительного развития достигла медицина. Хотя она еще не вполне отделилась от знахарства и магии, положительные достижения древнекитайских медиков достаточно велики. Китайская медицина выработала оригинальные методы постановки диагноза. В одной из древних врачебных книг — «Трактате о болезнях», принадлежащей знаменитому врачу

Армилярная сфера Чжан Хэна.
Прибор для определения координат
небесных светил.

металлургического производства способствовали накоплению разнообразных конкретных сведений в области физики, химии, механики.

Все эти знания, имевшие определенный практический смысл и накопленные в процессе производственной деятельности общества или в связи с его потребностями, вместе с тем служили основой для выработки более общих научных представлений о мире и для постановки вопросов, носивших характер широких для того времени обобщений.

Одним из таких вопросов, которые ставили перед собой мудрецы древнего Китая, был вопрос об основе мира. Что лежит в основе всех вещей на земле, как живых, так и неживых? Что является первоэлементом мира?

В то далекое время сама постановка такого вопроса была явлением значительным. Она свидетельствовала о поисках пытливого мысли, не удовлетворяющейся религиозными объяснениями. Но на той ступени развития ответ мог скорее угадываться, чем быть получен в результате точных знаний. Поэтому древнейшие искатели первоэлементов стихийно кладут в основу мира элементы материальные, но конкретно эту материальную основу наивно представляют себе в форме земли, огня, дерева, металла и воды. «Пять первоэлементов вселенной — это то, в результате чего происходит зарождение»¹.

Эти представления, широко распространившиеся еще в последние века II тысячелетия до н. э., несомненно содержали в себе зерна свободомыслия: жизнь на земле в различных ее проявлениях не создана сверхъестественными божественными силами, а порождена в результате естественного сочетания пяти материальных первоэлементов.

На этой основе возник и другой вопрос, рано привлекая внимание мыслителей. В чем причина изменений, происходящих в мире, в чем причина общественных неурядиц? Рушатся государства, меняются правители — кто повинен в этом? Люди гибнут в междуусобных стычках, «большие крысы» пожирают просо простых

¹ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957, стр. 187.

тружеников,— где же божественное Небо? Почему оно не являет своей справедливости? Где духи предков? Почему они не вмешаются и не помогут? Социальные потрясения и политические неурядицы подрывали веру в помощь и справедливость обожествленного неба, и общественная мысль рождает слова осуждения: «Небо недоброе и несправедливое; оно приносит людям лишь зло»¹. Небу нельзя доверять, на него не надо надеяться, ибо судьба людей не зависит от «небесной воли».

Можно думать, что такого рода сомнения относительно роли неба в судьбах людей и событиях, происходящих в природе, породили учение, которое связано с именем полуполюгендарного мудреца Лао Цзы, жившего, по преданиям, на рубеже VI и V веков до н. э. Согласно этому учению, возникновение, развитие и гибель всего существующего в мире вызваны не чьей-либо сверхъестественной волей, а естественными законами природы. Травы, животные, люди естественным образом растут, развиваются, вступают друг с другом во взаимодействие. Животные едят травы, люди — животных не по определению неба, а в силу естественных законов развития.

В основе мира, по учению Лао Цзы, лежат материальные частицы «ци» и пустота. Первооснова вселенной — «дао» существует от века и никем не была создана. Весь мир, все вещи в природе движутся, неподвижно только «дао». Таким образом, несмотря на известную непоследовательность, учение Лао Цзы глубоко материалистично и атеистично. Правда, в области социальных идей учение Лао Цзы весьма своеобразно. Сочувствуя угнетенным, он, однако, проповедовал в своей книге «Даодэцзин» погружение в неподвижное «дао», пассивность и смирение. Эти моменты в учении Лао Цзы были позднее развиты в религиозном учении «даосизма», призыв которого к покорности был созвучен отчаянию народа, задавленного правящей верхушкой.

В V—IV вв. до н. э. в Китае жил известный вольнодумец Ян Чжу. Его идейные противники приписывали ему пессимизм и «себялюбие», стремясь таким образом исказить подлинный облик этого древнего мыслителя. В действительности же Ян Чжу был наивным материа-

¹ Ян Хин-шун, Из истории китайской философии, М., 1956, стр. 6.

листом и на этой основе пришел к взглядам, отрицающим существование богов. Мир, говорил он, управляется не богом, а естественными законами; он находится в непрерывном изменении, и нет ни одной вещи, которая бы существовала вечно. Ян Чжу отрицал бессмертие души. Душа неотделима от тела и исчезает вместе с его смертью. Он отрицал значение погребальных обрядов, говоря, что умершему все равно, как с ним обойдутся после его смерти — сожгут ли, бросят в воду или похоронят в роскошных одеяниях. Душа смертна, бессмертия нет, нет и богов, и единственной реальностью человеческой жизни является сама жизнь.

Чрезвычайно интересен своим свободомыслием и другой древнекитайский мыслитель — Сюнь-цзы, который жил в III в. до н. э. Сюнь-цзы решительным образом отвергал идею «веления неба». «Падение метеоров, — говорил он, — внушает людям страх. Спрашивают: что это такое? Отвечаю: ничего особенного. Это происходит от изменения небесных и земных стихий, от смены сил Инь и Янь. Такие явления бывают редко. Удивляться им можно, но бояться не следует»¹. Время от времени происходят затмения Солнца и Луны, несвоевременно дуют ветры и льют дожди, появляются странные звезды. Невежественные люди склонны видеть в этом «веление неба», грозные или благостные предзнаменования. Однако это мнение не имеет под собой никаких оснований. Если правитель мудр и власти справедливы, говорит философ, и в результате этого народ благоденствует, то никакие плохие предзнаменования не окажут на это благоденствие никакого влияния. И наоборот, при неразумном правителе и деспотичных властях появление самых благоприятных знамений не улучшает положения.

Сюнь-цзы считал, что небо и земля подчинены определенным закономерностям и все изменения в природе происходят по этим естественным законам. Есть ли смысл молиться о дожде? Просить небо о прекращении засухи? Повлиять молитвой на ход затмений? Какая между ними может существовать связь? Небо не является всемогущим духом; оно такая же часть природы, как и другие. Поэтому «мудрый человек, — говорит Сюнь-

¹ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, стр. 379, примечание 2.

цзы,—не рассматривает природу как воплощение небесного духа»¹.

«Двигаются друг за другом звезды, свет Солнца сменяется светом Луны, сменяются времена года, происходят изменения сил Инь и Янь, повсюду действуют ветры и дожди. В этом процессе различных естественных изменений происходит становление всех вещей, которые рождаются через гармонию»². Однако люди, наблюдая только результат и не видя самого действия, в силу неведения и невежества стали думать, что какая-то божественная сила приводит все это в движение. Разумеется, это заблуждение, которое только мешает людям.

Исходя из этих положений, Сюнь-цзы отрицал существование духов, судьбы, провидения. Все в этом мире, говорил он, и хорошее и плохое, счастье и несчастье зависит от самого человека, от его действий и поведения. Не небо приносит достаток и благополучие, а деятельность людей, не небо приносит несчастье, а поведение человека.

«Если у людей земледелие и шелководство процветают и они экономны, то небо не может сделать их бедными. Если они своевременно берегут свое здоровье, то небо не может сделать их больными. Если они следуют «дао» и не допускают ошибок, то небо не может сделать их несчастными»³.

Это была чрезвычайно ценная и передовая для своего времени мысль. Она звала к активной деятельности на земле. Человек сам виновник своего счастья и несчастья. И нет никаких оснований полагаться на божественные силы. Тот, кто возлагает свои надежды на религиозные фантазии, может делать это только по невежеству. «Многие люди,— говорил Сюнь-цзы,— считают, что существуют духи. Это происходит оттого, что у них собственная душа находится в смутном и неопределенном состоянии»⁴. В действительности же нет никакого «веления неба», нет сверхъестественной, predeterminedенной свыше судьбы, нет духов, оказывающих влияние на жизнь людей. В центре жизни оказывается сам земной человек, его практическая деятельность, его усилия, направленные

¹ Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, стр. 380.

² Там же.

³ Там же, стр. 381.

⁴ Там же.

ные на познание природы и использование ее для своего блага. Только этим определяются судьбы отдельных людей и судьбы целых государств.

В истории свободомыслия и атеизма в древнем Китае наиболее значительное место принадлежит известному просветителю и материалисту Ван Чуну, жившему в I в. до н. э.

Его биографы рассказывают, что, происходя из бедной семьи, он не мог приобретать дорогостоящие книги и пополнял свое образование, полученное в высшей школе, тем, что постоянно бродил по книжным лавкам Лояна¹ и читал выставленные для продажи произведения. Обладая тонким природным умом и выдающимися способностями, он скоро сделался чрезвычайно образованным и начитанным человеком, поражающим собеседников необычностью своих взглядов. Эти взгляды, «противоположные мнению других», нашли отражение в его сочинениях, среди которых наибольшее значение имеют его «Критические замечания».

Ван Чун стремился распространить среди своих современников просвещенные взгляды на мир, природу, религию и в страстной форме ополчался против предрассудков и суеверий, господствовавших в его время. «Яшма, — писал он о состоянии умов современников, — смешана с камнем... истина превращена в ложь, нереальное превращено в действительное. Разве можно молчать?»² При этом Ван Чун не упускает из вида практического смысла своих сочинений. «Я написал, — поясняет он, — главы «О смерти» и «Ложные суждения о смерти» и объяснил, что мертвые не обладают знанием и не могут превращаться в духов, и надеюсь, что читающие (мое произведение), уяснив эту истину, ограничат излишества при похоронах и станут более бережливыми...»³

Ван Чун отвергает традиционные религиозные представления о небе. Небо материально. Оно — часть природы. Оно не наделено сознанием, оно не обладает одухотворенностью. Небо — не божество и не имеет никакого касательства к счастью и несчастью людей.

¹ Лоян — столица Китая во времена Ван Чуна.

² А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954, стр. 26.

³ Там же.

Ван Чун догадывается о том, что религиозные представления о «божественных» порядках на небе являются лишь преломлением в фантазии людей земных порядков. «Подобно тому, — говорит он, — как царь пребывает в своих дворцах и палатах, дух неба также имеет свою резиденцию в созвездиях Тайвэй, Цыгун, Сюань-юань и Вень-чан»¹. «Пытаясь познать небо», люди наделяют его свойствами и качествами человека. Человек способен радоваться, и такими же качествами религиозная фантазия наделяет и Небо; человек печалится и награждает небо такими же свойствами. Источником подобного толкования неба является человек².

Но если отвергнуть власть и силу Неба как верховного божества, то кто же создал весь этот мир, все это «многообразие предметов и живых существ», кто листам различных древесных пород придал различные формы и узоры, кто придумал столь разнообразную окраску оперению птиц, кто создал формы, присущие человеку? Все это, отвечает Ван Чун, является следствием естественного развития самой природы. Здесь нет места для сверхъестественного. Здесь нет доброй или злой воли «божественного неба». Здесь нет сознательных целенаправленных действий каких-либо божеств. Здесь господствует только присущий всем вещам и явлениям «принцип естественности». Осенью природа естественно увядает, а весной расцветает. Разве есть сила, которая была бы способна перевернуть этот ход событий и добиться того, чтобы осенью все расцветало, а весной увядало?

Некоторые утверждают, что небо как высшее божество производит хлеб специально для того, чтобы прокормить людей, а шелковичных червей и коноплю, чтобы их одеть. Это глубокое заблуждение. Дело обстоит как раз наоборот. В практической деятельности, в поисках средств для утоления голода и преодоления холода человек набрел на эти предметы и использовал их для своих нужд.

Чрезвычайно ярко и талантливо Ван Чун рассеивает суеверия, связанные с представлениями о смерти и бессмертии. «То, что имеет начало, — говорит он, — с необхо-

¹ А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954, стр. 42.

² Там же.

димостью должно иметь конец и то, что имеет конец, с необходимостью должно иметь начало...»¹ Из самого факта рождения вытекает необходимость смерти. Нет существ, которые не умирали бы, и человек не может составить исключение и сделаться бессмертным.

В равной степени души умерших не могут превратиться в духов. Ибо душа не может быть вне тела, она необходимо разрушается со смертью. «Смерть человека подобна угасанию огня: гаснет огонь и прекращается свет; умирает человек, и его разум не познаёт»². Поэтому нет причин опасаться умерших и не может быть никаких духов, которым надо было бы приносить жертвы. Если бы умершие, замечает Ван Чун, за все время, что стоит мир, превращались в духов, то духов было бы столько, что за ними невозможно было бы разглядеть живого человека...

Учение древнекитайского мыслителя оставило глубокий след в истории свободомыслия и атеизма Китая. Оно определило мировоззрение многих его современников. Оно не было забыто и в последующие века. И пять столетий спустя в другой исторической обстановке и посредством других образов великий китайский атеист Фань Чжэнь в знаменитом трактате «О смертности духа» будет защищать ту же мысль: «Дух для материи то же, что острота для ножа. Тело по отношению к функции то же, что нож по отношению к остроте. Название «острота» не есть нож. Название «нож» не есть острота. Естественно, что без остроты нет ножа, а без ножа нет остроты. (Никто) не слышал, (чтобы) нож исчезал, а острота существовала. Разве можно допустить, что тело умирает, а дух (продолжает) существовать?»³

¹ А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, стр. 71.

² Там же, стр. 79.

³ Я. Б. Радуль-Затуловский, Великий китайский атеист Фань Чжэнь, Ежегодник музея истории религии и атеизма АН СССР, т. I, стр. 311.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ — ЕДИНСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Индию называют страной контрастов. Говорят, что в ней в миниатюре представлен весь мир. И действительно, полуостров Индостан, вершина которого омывается тропическим Индийским океаном, а основание опирается на «обитель снегов» Гималаи, обладает непревзойденным многообразием географических, этнических и социальных условий. Разнообразен климат Индии — от полярного до тропического; разнороден растительный и животный мир; чрезвычайно пестра карта племен и народов, населяющих полуостров, и языков, на которых они говорят. По переписи 1931 г. в Индии насчитывалось около 200 наиболее распространенных языков и диалектов. Это многообразие еще в большей степени имело место в глубокой древности.

Древнейшим из известных нам народов Индии были дравиды. Это название объединяло различные группы племен, говоривших на родственных языках. Они знали металлы — золото, медь, олово, у них было высоко развито гончарное искусство; они умели строить города и крепости, воздвигать плотины через небольшие реки и сооружать ирригационные устройства для орошения полей и огородов. Ахеологические раскопки 20-х — 30-х годов нынешнего столетия в Мохенджо-Даро выявили остатки высокой цивилизации, существовавшей по реке Инд еще в III тысячелетии до н. э. Под мощными

слоями наносной земли были обнаружены погребенные города, поражающие своей правильной планировкой, кирпичными строениями, высоким благоустройством.

Древнеиндийский бог Шива в окружении зверей. Индийская мифология наделила его тысяча восемью именами и столькими же функциями. По этим представлениям удача на охоте, гибель от зверя, рост растительности и многие другие явления, от которых зависело благополучие семьи и общины,— дело его рук. Изображение на печати-амulette из раскопок в Мохенджо-Даро.

Общество, жившее здесь, уже знало рисунчатое иероглифическое письмо. Было найдено около 400 письменных знаков, которые, хотя они еще не прочитаны, самим фактом своего существования свидетельствуют о сравнительно высокой степени достигнутой древним народом культуры.

Среди разнообразных вещей, найденных археологами, наше внимание привлекает группа статуэток, печатей, амулетов, в которых довольно выразительно запечатлелись некоторые представления древних индийцев об окружающем их мире. Вот глиняная статуэтка женщины. На голове ее — странный веерообразный убор. По бокам этого веера вылеплены диковинные чашечки-лампадки, покрытые слоем копоти. Историки религии выяснили, что статуэтки изображают одну из очень популярных богинь древнейшей Индии — богиню-мать, великую родительницу, которая до сих пор почитается во многих местах страны, как наиболее доступная для бедняков богиня-покровительница. Древние индийцы, желая, чтобы божество обратило внимание на их молитвы, насыпали в чашечки головного убора благоуханный ладан или растительное масло и зажигали. «Я даю тебе, чтобы ты дал мне» — эта формула взаимоотношений между человеком и богом, присущая всякой религии, в древнейшие времена выступала еще во всей своей наивной откровенности.

А вот свидетельство верований несколько более поздней эпохи. Это — одна из печатей-амулетов, которые служили средством отпугивания злых духов. На нем изображена целая ритуальная сцена: в центре в своеобразной позе сидит древнейший индийский бог, трехликий Шива, который по преданию имел тысячу восемь имен и столько же различных функций. На нашем амулете он представлен в «должности» владыки зверей — Пасупати. Он сидит на троне. Из головы его вырастают рога, на голове — веерообразный убор, подобный убору богини-матери. Два оленя, носорог, слон, тигр и буйвол окружают его. Удача на охоте, гибель от зверя, обилие дичи или исчезновение ее — дело его рук. Шива представлялся древним индийцам тем верховным божеством, той силой, от которой зависело плодородие, рост растительности и, следовательно, благополучие семьи и общины. Естественно, что его окружали почитанием.

Другая печать, найденная при раскопках, передает новый религиозный сюжет: в разветвлении священного фигового дерева пипала стоит длинноволосая рогатая богиня с человеческим телом; перед ней на коленях стоит почитатель; неподалеку козел с человеческим ли-

цом наблюдает эту сцену; внизу — вереница низших божеств. Трудно полностью разгадать представленный здесь сюжет. Но известно, что во многих местах Индии и сейчас еще пипал считается священным деревом. Он — жилище различных божеств. Ему поклоняются муж-

Священный буйвол перед алтарем. Обожествление и почитание животных — одна из черт древнеиндийских религиозных представлений. Пережитки этого сохранились в некоторых районах Индии и в настоящее время. Изображение на печати-амulette из раскопок в Мохенджо-Даро.

чины, чтобы достигнуть богатства, ему приносят жертвы женщины, чтобы разрешиться ребенком мужского пола; к его ветвям привязывают сосуды с водой, чтобы души умерших родичей могли освежиться в знойные дни. Несомненно, эти поверья корнями своими уходят в глубочайшую древность.

Древнейшее женское божество из раскопок в Мохенджо-Даро.

Столь же самобытны сюжеты и других печатей. Священный буйвол, поднявший на рога человека, крокодилы, слоны, змеи, тигры, полулюди-полубыки, триединые существа, символизирующие слияние нескольких божеств в образе одного фантастического животного, сцены поклонения им, сцены моления, сцены схваток — буйный мир первобытной фантазии и религиозных поверий, существовавших тысячелетия назад, как бы вновь ожил, разбуженный киркой археолога. Борьба человека со стихийными силами природы, его бессилие и страх перед ними породили фантастические религиозные об-

разы и представления, воплощенные в найденных памятниках древнего искусства.

Во II тысячелетии до н. э. на территории Индостана расселились пришлые племена ариев. Первоначально скотоводы, ведшие кочевой образ жизни, попав в плодородные равнины Пятиречья, стали переходить к оседлым формам содержания скота и к земледелию. По-видимому, целые века продолжалась борьба между пришлыми племенами и местным населением. Древнеиндийские сборники преданий и гимнов — Веды и древнеиндийский эпос — Махабхарата полны пафоса этой борьбы. В одном из гимнов певец-арий говорит: «Мы со всех сторон окружены врагами, они не приносят жертв, они ни во что не верят, у них другие обряды, они не люди...»¹ В конце концов арии частично истребили и

¹ А. Осипов, Краткий очерк истории Индии до X в., М., 1948, стр. 13.

изгнали древнейшее население страны, частично слились с ним. В дальнейшем во всем северо-западном Индостане слагается общество, в котором основой социального устройства является сельская община с резко выраженным патриархальным укладом и элементами патриархального рабства.

Религия этого времени характеризуется как политеистическая. Число богов и духов, упоминающихся в гимнах и эпосе, чрезвычайно велико. По образному выражению современного индийского философа Радхакришнана, «процесс создания богов на фабрике человеческого ума нигде не виден так отчетливо как в Ригведе»¹ — древнейшем индийском сборнике преданий и мифов. Для людей этого времени вся природа наполнена живыми силами, которые в ряде случаев наделяются человеческими чертами и человеческой этикой. Величественные явления природы обожествляются. Всеобъемлющее небо становится богом Варуной, солнце — богом Митрой, гроза и буря — Индрой. Огонь, будничный и великий, сокрытый в куске дерева и бушующий в лесном пожаре, становится могущественным богом Агни. «Лес и гхи² его пища... дым — его знамя»³. Без него не обойтись ни богам, ни людям. Он посредующее звено, передающее людские жертвоприношения другим божествам. «О, Агни,— читаем мы в одном гимне,— прими это поле, которое я воздаю тебе, ярко вспыхни и пошли ввысь твой священный дым, коснись высочайших небес своей гривой и смешайся с лучами солнца»⁴. В Ведах говорится, что Агни «помещен во всяком существе», что он проникает всю природу, давая бессмертие всем остальным богам.

Объектами поклонения становятся в эту эпоху и ветер, и заря, и дождевые облака, и другие явления природы, от которых зависит благополучие людей. Но это благополучие постоянно нарушается злыми демонами. Вритра — демон засухи, Рикшасы — кровожадные великаны, Нага — ядовитые, змеевидные существа постоянно подстерегают людей. Спасти от них помогают умило-

¹ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 57.

² Топленое масло.

³ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 65.

⁴ Там же.

стивительные жертвоприношения либо богам-охранителям, либо враждебным демонам.

Так беспрестанная борьба тысяч поколений жителей Индостана со стихийными силами — ядовитыми змеями, засухой, наводнениями, тропическими ливнями, ураганами — отложилась в религиозной фантазии в форме олицетворения сил природы.

По мере усиления патриархальной власти главы семьи, по мере перехода общества к классам и государству и укрепления роли правителя-царя, земные отношения людей переносятся на небо. В процессе создания государств боги покоренных племен теряют свое значение и выпадают из пантеона. С другой стороны, возникает представление о верховном боге, в лице которого совмещаются функции всех богов. Как на земле, так и на небе идет борьба за власть. Меняются династии, вышашаются выскочки. Бывший бог грозы Индра сейчас, в век битв, превращается во владыку богов. «Для благосостояния миров, — говорится в древнеиндийском своде законов, — он (верховное божество) создал из своих уст, рук, бедер и ног — брахмана, кшатрия, вайшья и шудру»¹. Таким образом, возникшему в процессе разложения родового строя делению общества на строго очерченные сословия касты (варны) придается божественное происхождение. Брахман — жрец и шудра — человек низшего сословия стоят на разных ступенях социальной лестницы, и неравенство их на земле объясняется неодинаковостью происхождения: уста «мироправителя», разумеется, не могут быть приравнены к его божественным бедрам, а тем более к его ногам... Подобное обожествление кастового строя древней Индии характерно для сложившейся в начале I тысячелетия до н. э. религии брахманизма.

На известной ступени развития индийской общественной мысли, как и в других древних цивилизациях, в Индии начинает распространяться религиозный скептицизм. Настика — этот древнеиндийский дух отрицания — ополчается против старых представлений. Сведение религиозной фантазией и жреческим богословием многочисленных небожителей к единому антропоморфному богу не спасает положения. «Кто видел перворожден-

¹ В. В. Струве, История Древнего Востока, М., 1941, стр. 403.

Бог Вишну, поднимающий Землю из Океана.

ного, — говорится в одном гимне, — когда тот, у кого нет костей, родил того, у кого есть кости? Где жизнь, кровь, я вселенной?..»¹ В условиях этого скептицизма постепенно складываются представления о всеобъемлющем бесплотном божественном мировом духе — Брахмане.

¹ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 74—75.

«То, из чего эти существа рождены, то, в чем они живут после рождения, и то, куда они уходят после своей смерти,— говорится в комментариях к Ведам,— это и есть Брахман»¹. Однако кто знает, откуда родилось это создание? Оно возникло из несуществующего, оно дышало без дыхания, оно вне смерти и вне бессмертия... Мир в этом учении индийской религии терял характер реальности, приобретал призрачные черты. Великий ритм вселенной, становление и распад, бесконечные ряды этих чередований, примеры которым люди могли видеть и в смене человеческих поколений, и в возвышении и падении государств, и в рождении и умирании живой природы, приобрел мистический характер. «Подобно зерну, разлагается смертный, подобно зерну, он рождается снова»². Старые представления о душе получили новое направление: душа человека — частица мирового духа; ее земное существование — печальный эпизод; жизнь — место мучения. Социальная неустроенность, политические неурядицы порождают разлад между миром физическим и духовным, ведут к созданию идеологии усталости, отрешения от жизни, стремления к уходу в себя, к покою, высшим идеалом которого является вечный покой и слияние с мировым духом. На этой основе вырабатывается то учение, на котором покоятся почти все религиозные и философские системы древней Индии.

По этим представлениям душа не умирает с человеком. Она вечна и обречена на множество перерождений и перевоплощений. Спустя некоторое время после смерти ее прежнего обладателя она вселяется в новое существо. При этом новое местожительство ее зависит от того, как вел себя человек в предыдущей жизни. «Те,— говорится в комментариях к Ведам,— кто вели себя добродетельно, быстро достигают хорошего рождения — рождения брахманом, кшатрием и вайшьей. Но те, кто вели себя дурно, очень быстро возрождаются в виде свиньи, собаки или чандала»³. Учение о перерождениях становилось мощным социально-политическим фактором воздействия на верующих. «Причина моего перерождения шакалом,— свидетельствует один из персонажей Махабхараты,—

¹ С. Радхакришнан, Индийская философия, стр. 135.

² Там же, стр. 209.

³ Там же.

заключается в том, что я был мнимым ученым, подвергавшим все суду разума... оратором на собраниях, недоброжелательным критиком и противником священников в споре о Брахмане, неверующим...»¹

Но высшим идеалом является, по учению брахманов, полное прекращение перерождений и слияние души с мировым духом. В этом стремлении к уходу от жизни все религиозные системы Индии видели высший смысл существования человека. Достичь же этого можно постом, воздержанием, уединением, самоотречением, уходом в себя, отказом от желаний, т. е. полным отказом от «суе» жизни с ее радостями, печалью, надеждами.

Но на могучем древе индийской общественной мысли разрасталась не только поросль религиозных заблуждений, идеализма и мистики. Трудовая деятельность народов Индостана породила и ряд крупных для своего времени научных достижений.

Сравнительно рано делаются в Индии такие попытки объяснения строения мира, которые постепенно заменяют мифологические представления естественнонаучными. Возникают догадки о том, что все многообразие мира в своей основе материально. Складываются учения о мельчайших элементах — основных частицах, из которых состоит мир. Медицина, истоки которой теряются в неизведанных глубинах древнейшей истории Индии, одерживает ряд успехов. Индийские врачи славились, в частности, своим умением делать пластические операции. Индийские фармацевты знали целебные и ядовитые действия множества лекарственных трав. Математики открыли знаменитую «пифагорову теорему», по-видимому, намного раньше грека Пифагора. Успешно разрабатывались алгебра и арифметика, была создана десятичная система счисления, сложилось понятие нуля. В древнейшем индийском эпосе уже имеются слова для обозначения огромных чисел, которые мы называем астрономическими (биллионы и сотни тысяч биллионов). Индийские лингвисты создали грамматику санскритского языка, с поразительной логикой и точностью систематизировав его состав. А обобщающая теоретическая мысль индийских философов исходит из представлений об изменчивости и непостоянстве мира.

¹ С. Радхакришнан, *Индийская философия*, т. I, стр. 412.

На этой основе начало развиваться свободомыслие, отвергавшее установленные каноны и авторитет учения брахманов. В Ведах сохранились глухие упоминания о людях, сомневающихся в существовании богов на том основании, что никто из смертных таких богов не видел. В Упанишадах¹ содержится описание шествия собак, очень прозрачно намекающее на процессию жрецов. При этом каждая собака, держа хвост идущей впереди, восклицает: «Ам! Давайте есть. Ам! Давайте пить».

Подобные настроения иногда проникали даже в тексты самих гимнов. Так, в одном из них высмеивается почитание Вед. Веды, говорится там, являются выдумкой ловких и хитрых брахманов, которые рады одурачить простаков и дуралеев. В другом гимне жрецы и их ученики, громко заучивающие наизусть Веды, сравниваются с хором лягушек в дождливую погоду, когда каждая лягушка старается перекричать всех остальных.

Многие древнеиндийские мудрецы, среди которых выделяется своим свободомыслием Брихаспати, отвергли учение жрецов о потустороннем мире и бессмертии души, высмеивали поучение о жертвоприношении. «Если животное, убитое согласно обряду джъйотиштомы², отправится прямо на небо, то почему же приносящий жертву не предложит тотчас своего собственного отца?.. Если тот, кто расстается со своим телом, отправляется в иной мир, то как может он не вернуться, будучи привязан любовью к своим родным?»³ Все погребальные церемонии только потому установлены брахманами, что они являются средством существования для них. А отсюда естественно вытекает вывод, что Веды — собрание вредных бессмыслиц, а три составителя этих сборников — шуты, мошенники и демоны.

В некоторых более поздних источниках сохранились отзвуки борьбы атеистической мысли Индии против учения о самостоятельном существовании души. «Как нет картины без полотна, тени без столба... так и душа не может существовать, не пребывая в вещественных оболочках»⁴.

¹ Упанишады — древнеиндийский сборник богословских трактатов.

² Джъйотиштома — обряд жертвоприношения при похоронах.

³ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 237.

⁴ Н. П. Антикеев, Материализм и атеизм системы Санкхья раннего средневековья, автореферат канд. дисс., М., 1957, стр. 8.

Разумеется, такие взгляды и такая антижреческая пропаганда не могли не вызвать ярости брахманов. Они обрушивают на вольнодумцев все силы индийского неба. «Разгневанный бог,—говорится в одном из гимнов, в чьем существовании они (вольнодумцы—М. К.) сомневаются, спрашивая «где он?» и даже отрицают его, говоря «его не существует»,—этот бог уничтожит врагов своих подобно игрушкам»¹.

К сожалению, учения древних индийских мудрецов, выступавших против религии, дошли до нас лишь в немногочисленных отрывках. Взгляды атеистов подвергались неоднократным изменениям и искажениям со стороны враждебно настроенных к ним авторов. Поборники религии — жрецы и власть имущие, стремясь ослабить влияние атеистических учений, прибегали к уничтожению произведений прогрессивных мыслителей. Вот почему и наши сведения о древних индийских материалистах и атеистах почерпнуты главным образом из критических замечаний, содержащихся в сочинениях их противников.

Тем не менее удается установить, что в древней Индии имелись целые школы приверженцев материалистического и атеистического миропонимания. По преданию, основателем этого направления был мудрец Чарвака, по имени которого его последователей и учеников стали называть чарваками (VI век до н. э.).

Время чарваков во многом противоречиво. Значительные достижения в области положительных знаний сочетаются с социальными неурядицами. И то и другое породило дух скептицизма, который обрушился на учение жрецов. Пытливая мысль ставила вопросы, перед которыми пасовала религиозная догматика. Что такое жизнь и что — смерть? И если люди, возвышенные судьбой,—люди «с неудовлетворенными желаниями» — богачи, цари не могут избежать общей участи — смерти, то зачем их сокровища и к чему их ненасытная жажда завоеваний? А если есть неумирающая душа, то кто видел ее и где она в человеке?

Чарваки на подобные вопросы давали прогрессивные для своего времени объяснения. «Человек,—говорили

¹ Н. П. Аникеев, Материалистические направления в древнеиндийской философии, М., 1957, стр. 12.

они,— состоит из четырех элементов. Когда человек умирает, элементы земли возвращаются и снова попадают в землю, элементы воды возвращаются в воду, элементы огня возвращаются в огонь, а элементы воздуха — в воздух; чувства растворяются в пространстве. Мудрец и глупец, когда тело разрушается, одинаково лишаются всего, погибают, не существуют больше»¹.

Чарваки не умели еще объяснить природу психической деятельности человека, т. е. природу его «души», но они тем не менее считали, что душа «естественное», а не божественное явление. Она возникает при соединении первичных элементов, образующих организм, и она погибает, как только гибнет организм и первичные элементы распадаются. Отсюда проистекали важные выводы: раз душа гибнет вместе с гибелью организма, то учение жрецов о воздаянии в будущей жизни за поведение в этой — обман. Нет никакой будущей жизни. Точно также нет никакого другого мира, кроме этого.

Религия таким образом — заблуждение, болезнь разума; люди вследствие слабости верят, что существуют боги, воздающие тем, кто им поклоняется и приносит жертвы. Но это не подтверждается опытом. Никто никогда за все время существования мира не обнаруживал никаких богов, ни божественной справедливости, ни божественной целесообразности. «Кто так изумительно раскрасил павлина или кто заставил кукушку так хорошо куковать? В данном случае это не кто другой, как сама природа»².

С большой силой древнеиндийское свободомыслие выступило против учения жрецов об уходе от земных дел, об отказе от земных удовольствий. Жрецы говорили, что удовольствия неизбежно вызывают страдания, поэтому отказ от радостей жизни должен будто бы привести к уничтожению страданий. На это школа чарваков отвечала следующим образом: «Они считают, что вы должны отказаться от наслаждений жизни потому только, что они связаны со страданиями», но какой благоразумный человек откажется от неочищенного риса

¹ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 233.

² Там же, стр. 236.

«только потому, что он покрыт шелухой?», «кто перестанет есть рыбу из-за того, что в ней кости?», «прекратит сеять хлеб из-за боязни потрав его скотом?» Ни один разумный человек не перестанет готовить себе пищу из опасения, что «нищий попросит у него некоторую долю»¹.

Школа чарваков отвергала религиозные учения о перерождениях и возрождениях человека. «Если тело становится пеплом, каким образом оно когда-либо сможет возродиться?»² Земная жизнь, говорили они, единственная реальность, и бессмысленно пренебрегать ею и отказываться от разумных и естественных радостей жизни во имя шутов и мошенников (жрецов), использующих религиозные обряды и суеверия для добывания себе пропитания. «Лучше настоящая раковина, чем поддельная золотая монета»³, — лучше подлинная земная жизнь с ее печалью и радостями, чем поддельная золотая монета религиозных учений о воздаянии.

«Пока есть жизнь, пусть человек живет счастливо...»⁴ — этот призыв чарваков, направленный против буддийского учения об отказе от земных дел и земных удовольствий, был использован противниками древнеиндийских материалистов для всяческого их очернения. Чарваков обвиняли в том, что они будто бы проповедуют безудержную погоню за грубыми наслаждениями, пренебрежение общепринятыми нормами поведения. Это довольно распространенный прием в истории борьбы религии против атеизма. Однако объективные историки древнеиндийской общественной мысли отвергают такие представления.

Древнеиндийские «материалисты», — пишет Джавахарлал Неру, — нападали на авторитет и непогрешимость... религии и теологии. Они критиковали Веды, институт жрецов и традиционные верования... Они восставали против всех форм волшебства и суеверий. Во многих отношениях общий дух их теорий подобен современному материалистическому подходу; они хотели

¹ С. Чаттерджи и Д. Датта. Древняя индийская философия, М., 1954, стр. 61.

² С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 237.

³ С. Чаттерджи и Д. Датта, Древняя индийская философия, стр. 65.

⁴ С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, стр. 237.

избавиться от оков и бремени прошлого... от поклонения воображаемым богам... Реально существует лишь материя в различных формах и этот мир. Нет ни другого мира, ни рая, ни ада, ни души отдельно от тела»¹.

Эти основные идеи древнейших мыслителей и мудрецов, имена которых в большинстве своем были стерты в памяти и уничтожены их врагами — индийским жречеством, явились крупным вкладом в борьбу прогрессивных сил человечества за освобождение человеческого духа.

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 99.

НЕТ НИ БОЖЕСТВЕННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, НИ БОЖЕСТВЕННОГО ВОЗДАНИЯ

Один из очень древних мифов Двуречья, запись которого относится еще к III тысячелетию до н. э., живописует бедственное положение богов на заре истории мира. Дело в том, что на земле нет людей, и боги в затруднении: некому работать, некому прислуживать, некому производить для них хлеб и другую пищу. Тщетно обращаются они к своему старшему собрату, премудрому Энки. «Премудрый» погружен в глубокий сон. И неизвестно, как бы сложились судьбы мира, если бы в дело не вмешалась владычица вечного океана, мать богов Намму. «О мой сын,— будит она заспавшегося бога,— сотвори работников для богов, которые производили бы для них...»¹

Эта замечательная своей детской непосредственностью сказка, как и некоторые другие аналогичные мифы, содержит в себе и рациональную основу. В ней нетрудно подметить своеобразные черты складывающейся рабовладельческой системы Двуречья, в которой эксплуатация труда общинников храмами и безраздельная власть над ними правителей получают небесную санкцию: люди Месопотамии — «работники для богов», а следовательно и для их земных представителей — жрецов, патэси², лугаля³.

¹ См. А. И. Тюменев, О предназначении людей по мифам древнего Двуречья, Вестник древней истории, № 4, 1948, стр. 15.

² Патэси — полужреческий титул, который носил правитель, имевший над собой верховного властителя-лугаля.

³ Лугаль — правитель, имевший над собой главою только богов.

В древней Месопотамии, стране, в которой ирригационное земледелие занимало ведущее и исключительное место, наиболее популярными становятся божества, в образе которых жители Двуречья олицетворяли производительные силы природы, оказывавшие наибольшее влияние на земледелие. Бог неба — Ану, бог земли — Бел, бог подземной воды — Эа — вот та древнейшая

Крылатые Гении (духи-хранители), держащие солнечный диск.

трона, которая под разными именами выступает на протяжении всей истории Вавилонии. Кроме них здесь существовало множество других богов, «возглавлявших» те или иные стихии. Когда же стали обоготворять небо и небесные светила, эти земные божества переселяются на небо, образуя собой главную божественную вавилонскую семерку. Бог кровопролитной войны, господин подземного царства, «владыка обширной страны мертвецов» Нергал отождествляется с планетой, которую позднее римляне называли Марсом. Богиня любви и плодородия Иштар, без которой не совершаются браки, не растет колос, ничто не рождается, была отождествлена с планетой Венерой, бог Шамаш — с Солнцем, бог Син — с Луной, главный бог Вавилона, царь богов Мардук, — с планетой Юпитер и т. д.

Этот вавилонский пантеон до сих пор удерживается в названиях дней недели ряда европейских языков. Так, воскресенье в немецком языке называется Sonntag — день Солнца — вавилонского бога Шамаша; понедельник во французском языке — lundi — день Луны — Сина, вторник — mardi — день Марса — вавилонского Нергала и т. п.

В верованиях земледельческого общества Вавилонии виднейшее место занимал культ умирающего и воскресающего божества. Несомненно, в этом культе нашло отражение стремление древних вавилонян объяснить такие явления природы, как смена времен года, тайна «смерти» зерна, брошенного в землю, и его последующего «воскресения». Несомненно также, что за всем этим стояло и извечное стремление человека проникнуть в тайны собственной жизни и смерти. Что стоит за смертью, какова она, «страна без возврата», «обширная страна» Нергала (или, по другой версии, владычицы Эрешкигаль), — этот вопрос вставал и перед религиозной мыслью и перед вольнодумством древнего мира.

В опозитизированной форме эта проблема выступала в известной мифе о богине Иштар и ее возлюбленном (по другой версии сыне) молодом боге Таммузе.

Когда Таммуз был похищен владычицей подземного царства Эрешкигаль, повествует миф, Иштар, скорбя о нем, решила отправиться следом и освободить его: «В страну без возврата... направились Иштар, дочь Сина... К дому мрака... к дому, входящие в который не выходят, на стезю, не выводящую назад, к дому, вступающий в который изъят от света, к месту, где пищей служит прах, едой — земля, где не видят света и живут во мраке, где одеты, как птицы, в перья, где на воротах и засовах прах»...

Подойдя к воротам преисподней, богиня требует, чтобы ее впустили: «Привратник, отпирай твою дверь. Открой твою дверь, чтобы войти мне. Если ты не откроешь дверей и я не буду в состоянии войти, я разобью дверь, сломаю засов, сокрушу веревки, оторву створки, выведу покойников; они будут есть и жить, и станет живых больше, чем мертвых»¹.

¹ Б. А. Тураев, История Древнего Востока, т. I, М., 1935, стр. 123.

В конце концов привратник впускает ее и проводит через семь врат подземного царства; у каждого ворот он срывает с нее какую-нибудь часть ее туалета, так что, пройдя седьмые ворота, Иштар предстает перед владычицей «страны без возврата» лишенной всех своих украшений и одежд. Не раздумывая бросается богиня, оли-

Царь представляет свою дочь богине. Сверху боги Шамаш, Син и Иштар, олицетворенные в небесных светилах.

цетворяющая жизнь, на богиню, представляющую смерть. Затрепетала царица преисподней Эрешкигаль, раскрыла свою пасть, позвала на помощь: «Иди, Намтару, запри ее во дворце моем, напусти на нее шестьдесят болезней! Напусти болезнь глаз на глаза ее, болезнь сердца на сердце ее, болезнь ребер на ребра ее, болезнь головы на голову ее, все болезни напусти на нее!»¹

Осталась Иштар у владычицы подземного царства. А на земле с уходом богини плодородия угасла любовь в природе: бык не приближался к корове, муж не хотел касаться жены. Надвигалась всеобщая катастрофа, воз-

¹ Н. М. Никольский, *Древний Вавилон*, М., 1913, стр. 269.

ника угроза полного уничтожения жизни. В этих условиях «мудрые» боги нашли компромиссное решение. Эрешкигаль получила искупительную жертву, а Иштар и ее возлюбленный Таммуз, окропленные живой водой, возвращаются из преисподней. На земле начинается весна, и вся природа наполняется вешним призывом любви и продолжения рода.

Так в фантастических образах древневавилонской мифологии жители Двуречья пытались осмыслить такие явления природы, как смена времен года, рост и увядание растительности и другие события, связанные с жизнью и бытом земледельческого общества.

Культ умирающего и воскресающего бога получил широкое распространение на всем древнем Востоке. Несомненно, он оказал значительное влияние на формирование и христианского мифа о смерти и воскресении евангельского Иисуса Христа.

Обращение к божеству. Вотивное подношение божеству за жизнь царя Хаммурапи.

* *
*

«Египет — не Африка и не Азия», — писал выдающийся русский египтолог, академик Тураев. Действительно, узкая плодоносная лента земли, окруженная выжженными песками, отличается от обоих материков, на стыке которых она расположена.

Своим существованием Египет, так удивительно единоборствующий с пустыней, обязан единственной реке

этой страны — Нилу. Верхняя часть Египта орошается Нилом, нижняя — сотворена этой рекой. Обильные наносы ила образовали здесь обширную дельту, привлекающую к себе сейчас, как и в древности, неисчерпаемым плодородием почвы.

Религиозные представления египтян того времени, когда начинало складываться рабовладельческое государство, характеризуются обоготворением всей природы. Великая река, бурно несущаяся через нубийские пороги и ежегодно затопляющая всю долину, внушала сознание зависимости человека от ее грозной силы. Дикие звери пустыни, полчища нильских крокодилов, ядовитые змеи порождали страх. Фантазия, питаемая страхом, невольно заставляла видеть во всем этом проявление таинственных сверхъестественных сил, грозящих человеку бедствиями и гибелью. Вместе с тем, по мере развития ирригационного земледелия вырабатываются представления о стихиях-божествах, благоприятных человеку. Для египтянина-земледельца земля была «ареной жизни и смерти», она кормила его при жизни и давала приют после смерти. Для жителя нильской долины она была божеством, которое почиталось в образе мужского бога Гэба.

К глубокой древности восходил здесь и культ священной воды. Египтяне считали воду основой всего, животворной силой, которой они обязаны своим благополучием и самой жизнью. Могучий Нил, который так ритмично выходил из берегов и снова входил в свое ложе, даря людям плодородие своего знаменитого ила и болезни в заболоченных после наводнений низинах, рано стал восприниматься как великое божество.

Третьей стихией, которая издревле почиталась и обоготворялась египтянами, был огонь. Огонь низвергался с небес, он же таился в земле. Он был заключен в солнце, и культ солнечного бога Ра занимал подобающее место в религиозных верованиях египтян.

В древнеегипетской религии был распространен культ животных, растений, горных вершин, скал и т. п. Священный крокодил, священная змея, священный сокол, бык, корова и другие животные почитались здесь настолько усердно, что греческий историк Геродот, путешествовавший по этим местам, счел возможным отме-

тить, что «все имеющиеся в нем (Египте.— М. К.) животные почитались там священными».

Среди многочисленных египетских богов и духов чрезвычайным почитанием пользовался бог Осирис,

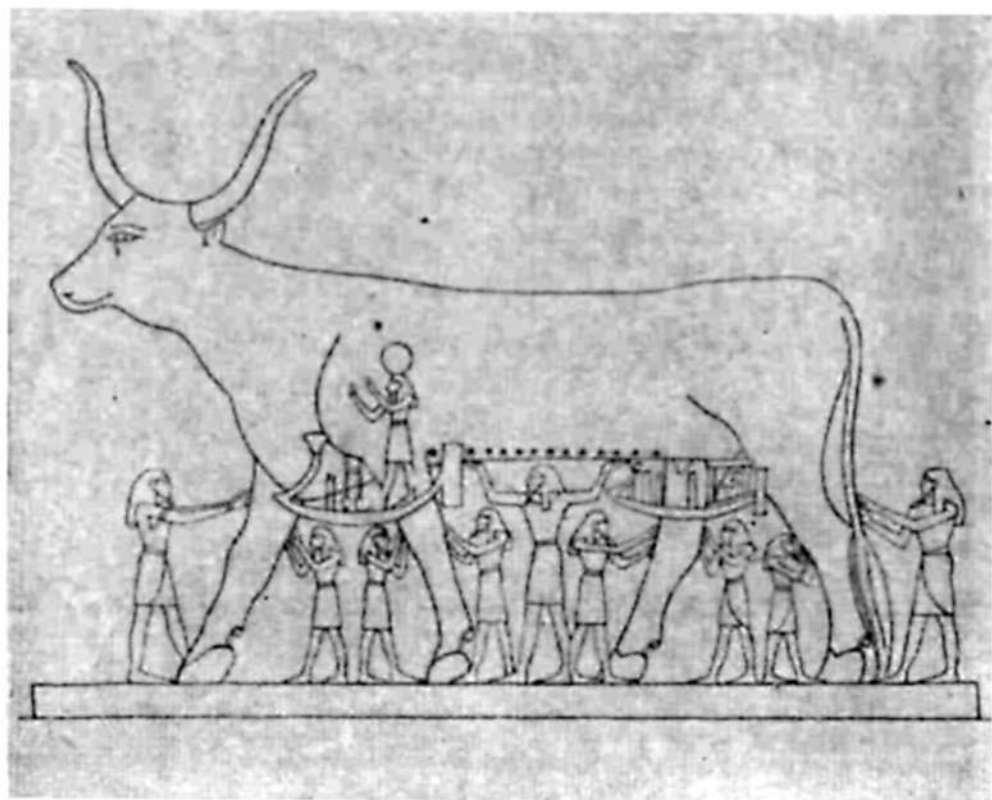
Зооморфные боги Египта.

Обожествление и почитание животных наложило глубокую печать на древнеегипетскую религию. Звереподобные боги придают своеобразный облик египетскому Пантеону.

Богиня Таурт, покровительница материнства, помогающая при родах и бесплодии. Изображалась как беременная самка гиппопотама с человеческими руками.
Бог Анубис, «Глава мертвых». Изображался в виде человека с головой шакала.

культ которого распространился по Средиземноморью далеко за пределы Египта. Культ Осириса был тесно связан с фантастическим осмыслением тех явлений, с которыми во все века встречался земледелец: с таинством увядания и воскресения растительности, с таинством смерти и возрождения зерна. Эта земная основа.

фантастически преломленная в сознании различных земледельческих народов, породила разнообразные мифы и религиозные обряды. Наиболее опозитизированную форму этих представлений дало вавилонское мифотворчество. В Египте они особенно ярко воплотились в

Небо в образе священной коровы Хатор.

мифе об умирающем и воскресающем боге Осирисе, родоначальнике земледелия, «боге зерна» и царе над мертвыми. Внимательный читатель в разнообразных вариациях этого мифологического цикла заметит многие детали, оказавшие несомненное влияние и на евангельский миф о непорочном зачатии, и на иконографический образ богородицы с младенцем Христом на руках, и на легенду о смерти и воскресении христианского Иисуса.

Во все времена истории Египта в религиозных верованиях его жителей важное место занимал заупокойный культ. Представления о загробной жизни, разумеется,

менялись по мере того, как изменялись социально-экономические условия жизни общества. И если при родовом строе ритуал погребения (как и социальное положение людей) был приблизительно одинаков для всех членов рода, то с переходом к классовому рабовладельческому обществу наблюдаются существенные новшества. Цари древнего Египта начинают строить для себя огромные усыпальницы — пирамиды, поражающие даже современного человека своими гигантскими размерами. Такое строительство было вызвано обожествлением личности царя при жизни и причислением его после смерти к сонму верховных богов. Вокруг пирамид помещались усыпальницы членов царской фамилии. Придворные и знать, стремясь и после смерти быть рядом с царем, располагали свои гробницы поблизости от пирамид фараонов. Что касается простых смертных, то они хоронились совсем в других местах, в простых погребальных сооружениях; заупокойный инвентарь сопровождал умершего в соответствии с его достатком. Так города мертвых — некрополи в чрезвычайно поучительной форме иллюстрируют материалистическую идею о земных (социально-экономических и политических) основах религиозных представлений и религиозной обрядности.

По воззрениям древних египтян, потусторонний мир был похож на мир земной. Подземные травянистые священные поля оро-

Сотворение человека из глины на гончарном круге.

шал подземный Нил, по которому на своих ладьях совершали прогулки бог Ра и его божественные товарищи. Рядовой общинник мог блаженно лицезреть солнечного бога или даже совместно с другими загробными бурлаками тащить бечеву божественной ладьи. Жизнь здесь также во многом была сходна с жизнью на земле. На социальной лестнице загробного мира каждый занимал то же место, что и на земле. Землепашец обрабатывал землю, сеял зерно, жал его и молотил. Ремесленник занимался своим ремеслом. Что касается представителей социальных верхов, то они и здесь освобождались от забот по пропитанию и занимали положение, отвечающее их земному сану. Достигалось это посредством несложных действий. Определенные изображения на стенах усыпальниц и глиняные фигурки «ушебти» — «ответчиков» должны были чудесным образом ожить в потустороннем мире. Магическая формула, писавшаяся на глиняных фигурках «ответчиков», заставляла их работать вместо покойного. И чем важнее был умерший, тем большее количество таких глиняных «работников» сопровождало его.

В заупокойном культе видное место занимала забота о сохранении тела погребенного. Сложными методами бальзамирования жрецы достигали поразительных результатов, и множество мумий древних египтян, сохранившихся до наших дней, достаточно убедительно показывают, чего стоят богословские рассказы о «нетленных мощах» христианских «святых».

Среди культивировавшихся жрецами представлений о загробном мире наиболее обстоятельно было разработано учение о суде Осириса и достижении вечной жизни. Так называемая «Книга мертвых» — древний папирус, содержащий многочисленные молитвы, магические формулы и заклинания, дает нам представление об этом загробном судилище.

В зале «обоюдной правды» на высоком престоле сидит царь мертвых Осирис и творит суд. На пути к этому судилищу много препятствий и опасностей. Но с помощью разнообразных магических формул и заклятий, содержащихся в «Книге мертвых», все они могут быть преодолены и обезврежены. Для того чтобы человек был оправдан, необходимо, чтобы дела его были «легче пера», чтобы он был безгрешен. И в «Книге мертвых»

Суд Осириса. Сцена загробного суда.

содержится перечень сорока двух грехов, от которых отрекается подвергающийся суду. «Я не делал зла другому», «я не отнимал хлеб у бедного», «я не был виновником нищих», «я не заставлял рабов моих голодать»...¹ Считалось, что написанное на папирусе отрицание грехов магически уничтожало содеянные при жизни преступления. И все дело было в том, чтобы обзавестись такой книгой магических формул.

На суде Осириса на весах справедливости взвешивалось человеческое сердце, олицетворявшее его безвинную или грешную душу. И на этот случай в «Книге мертвых» имелась магическая формула, которой сердце побуждалось «замкнуть свои уста» и не свидетельствовать на судилище против своего хозяина:

Таким образом, обладание дорогостоящим магическим сборником заклинаний обеспечивало владельцу его оправдательный приговор на страшном суде и бессмертие в загробном мире, что ясно выражает социальную сущность этих жреческих поучений.

* *
*

Древний Египет, как и древний Вавилон, не доставил нам большого числа памятников религиозного скептицизма и свободомыслия. Было бы бесполезно строить догадки относительно причин этого. Погибли ли сочи-

¹ В. В. Струве, *История Древнего Востока*, М., 1941, стр. 220.

нения египетских и вавилонских атеистов и потому мы о них ничего не знаем или в силу особенностей социального и политического строя этих стран (с его засилием жрецов и отупляющим воздействием государственной религии) атеизм здесь не получил значительного развития, мы сказать не можем. Однако в отдельных документах, сохранившихся до наших дней, удержались довольно яркие следы религиозного вольнодумства.

Одним из главных вопросов, вокруг которого шла борьба между религией и свободомыслием как в Вавилонии, так и в Египте, был вопрос о жизни и смерти. Что ждет человека после смерти? Возможно ли достигнуть бессмертия? Эти общечеловеческие проблемы с большой силой обсуждаются в вавилонском эпосе. В поэме о Гильгамеше, мифическом царе Урука, который на две трети бог и только на одну треть человек, герой поэмы с большим драматизмом раскрывает обуревающие его чувства.

Страх смерти охватил меня, и я скитаюсь
в пустынных степях.

Тяжелый рок, постигший друга,
Также и мне угрожает.
Как затаю я скорбь свою? Как о печали своей скажу?
Друг мой любимый в прах превратился.
Неужели и я, подобно ему,
Лягу на вечное ложе смерти!¹

Множество труднейших подвигов совершает Гильгамеш, чтобы достичь бессмертия. Он поднимается к вершинам мрачных гор и опускается на дно морское. Но когда ему после огромных трудов удается наконец достать траву, которая делает старика молодым, он тут же лишается ее. Бессмертия нет, и надеяться на потустороннее существование нечего.

Загробный мир — место скорби и печали;
Смотри! Друг, которого ты обнимал в радости сердца,
Черви его пожирают, как истлевший саван.
Мое тело, которого ты касался в радости сердца,
В пыль и прах превратилось,
В прах и тлен, в прах оно превратилось...²

¹ В. И. Авдиев, История Древнего Востока, М., 1953, стр. 116.

² Там же, стр. 118.

И, по-видимому, главный смысл этого произведения заключен в словах нимфы, встретившейся герою поэмы во время его упорных поисков. Бессмертия нет, говорит она, и бесцельны всякие стремления к нему. Единственной ценностью является земная жизнь с общечеловеческими радостями и уладами: «Ты же, Гильгамеш, лучше наполни свой желудок, веселись день и ночь, ежедневно устраивай празднества, пляши и ликуй. Пусть твои платья будут чисты, голова вымыта водой. Смотри на младенца, которого держит твоя рука, и пусть жена твоя радуется в твоих объятиях»¹.

В другом произведении вавилонской художественной литературы — в «Поэме о страдающем праведнике» с большой силой поднят вопрос о несправедливости судьбы и таким образом поставлена под сомнение справедливость богов и истинность религиозных обрядов и молитв. «Я всегда думал о мольбе, — сетует праведник, — о мольбе и молитве; молитва была моим правилом, жертва — моим законом, день богослужения — радость сердца моего, день почитания богини — моя прибыль и богатство... Я учил свою страну чтить имя божие, прославлять имя богини наставлял я мой народ...»² Но несмотря на эти религиозные добродетели героя поэмы и исполнение им всех предписаний жречества, на него обрушиваются страдания, а боги, которых он чтил и радовал жертвоприношениями, не внимают его молитвам: «Я призывал моего бога, но он не показал мне своего лица. Я молился своей богине, но она даже не подняла своей головы»³. Правда, страдалец (на то он и праведник) не возвышает свой голос до полного протеста. Он сводит дело к тому, что трудно понять, чего хотят боги, что в их глазах добродетель и что — кощунство. Но семена сомнения в справедливости богов и действительности религиозных обрядов, посеянные автором поэмы, не теряют от этого своей остроты и значительности.

Еще более выразительным является известный «Диалог между господином и рабом о смысле жизни», хотя он тоже проникнут глубоким пессимизмом. В этом

¹ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. 1, стр. 131.

² В. В. Струве, *История Древнего Востока*, стр. 117.

³ В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, стр. 123.

произведении неизвестный автор подчеркивает тщетность веры в богов и бесполезность отправления религиозных обрядов.

«— О, раб! — говорит один из участников диалога.— Я жертву богу моему не хочу принести.

— Не приноси, господин мой! Не приноси! — отвечает собеседник.— Разве ты думаешь, что научишь бога ходить за тобой, подобно собаке или повелением запроса (т. е. магией) или незапросом (т. е. молитвой) или же исполнением того, что он у тебя попросит?»¹

Автор диалога проповедует мысль о том, что ни на земле, ни за гробом нет ни божественной справедливости, ни божественного воздаяния.

«— О, раб! благодеяние стране моей я не хочу оказывать!

— Не оказывай, господин мой! Не оказывай! Подымись на холмы разрушенных городов. Пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла и кто из них был владыкой добра?»²

Наиболее ярким памятником свободомыслия в древнем Египте является знаменитая «Песня артиста», начертанная на стене гробницы царского скульптора XIV века до н. э. Паатонемхеба. Однако есть основания считать, что этот скульптор лишь переписал еретическое с точки зрения египетского жречества сочинение, созданное еще в XXII—XXI вв. до н. э.; то есть около 4000 лет назад. Неизвестный автор этой песни высказывает сомнение в действительности сложного египетского погребального ритуала. Певец полон отрицания и неверия. Он подкапывается под самую основу египетской религии — веру в загробное существование.

Что стало с теми, говорит он, кто строил себе гробницы, чтобы обеспечить достойную жизнь в потустороннем мире? Гробницы их разрушены, уничтожены стены, и самих мест этих как не бывало! Он выражает сомнение в значении погребальных обрядов, ибо «не слушает жалоб тот, чье сердце не бьется, и плач не вернет ни-

¹ В. В. Струве, Диалог господина и раба о смысле жизни. В сб. «Религия и общество», Л., 1926, стр. 44.

² Там же.

«Песня арфиста». Древнейший памятник вольнодумства египтян.

кого из могилы»¹. Он явно не верит рассказам жрецов о загробном мире. Откуда им это может быть известно?

«Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать, что с ними, чтобы рассказать об их пребывании, чтобы успокоить наше сердце...»²

Поэтому не следует человеку пренебрегать реальным миром, его повседневной жизнью. Нужно заботиться о жизни не потусторонней, а земной, нужно «совершать свои дела на земле».

«Будь радостен, чтобы заставить забыть свое сердце, что тебя похоронят. Следуй своему сердцу, пока ты живешь! Возлагай мирру на голову свою, одевайся в тонкие полотна, умащайся чудесными, истинными мазями богов! Умножай удовольствия, которые ты имеешь, и не давай поникнуть своему сердцу. Следуй желанию его и благу своему! Совершай дела твои на земле и не печалься до того, как придет к тебе день оплакивания»³.

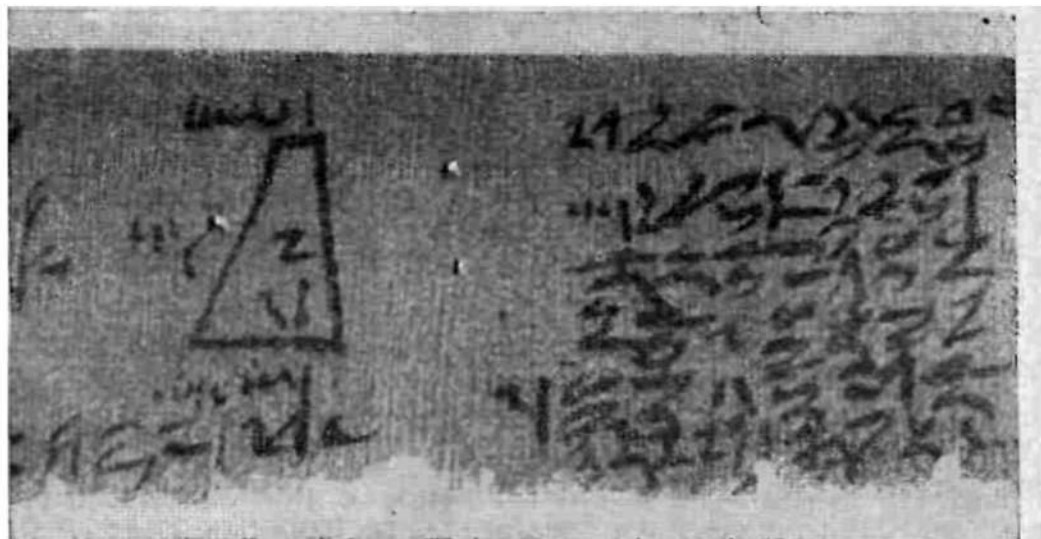
Идеи религиозного вольнодумства, проповедуемые автором «Песни арфиста», не составляли, по-видимому, исключения. Среди дошедших до нас древнеегипетских литературных произведений живейшее внимание привлекает текст, известный под названием «Беседа разочарованного со своим духом». В этой очень колоритной «Беседе» человек, удрученный жизнью, претерпевший какие-то житейские бури, разочаровавшийся в друзьях, нагруженный, по выражению поэта, скорбью, хочет пойти к смерти прежде, чем она пришла сама. Он просит своего духа (душу) дать согласие на это. Он рисует заманчивые картины страны заката, «запада», где его ждут справедливый посмертный суд и счастливая загробная жизнь.

Герой «Беседы» верит в бессмертие и загробное воздаяние. Он верит, что «тот кто там — он подобен богу живому...» Яркими красками рисует он благодетельную роль смерти.

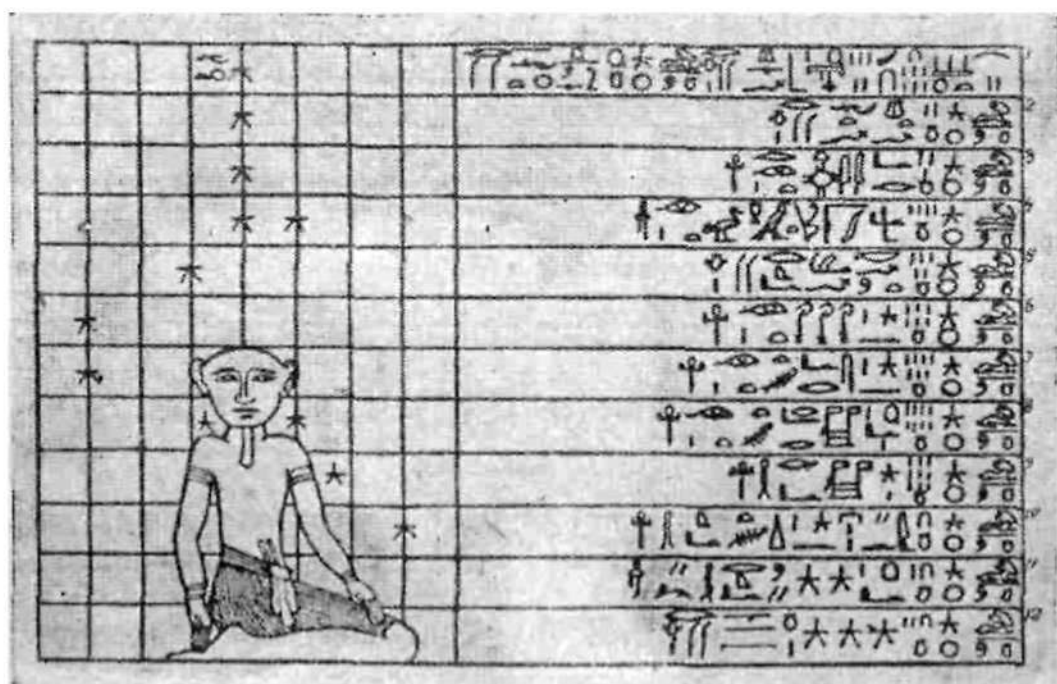
¹ М. Э. Матье, Из истории свободомыслия в древнем Египте, сб. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 3, 1956, стр. 382.

² Ю. П. Францев, У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959, стр. 514.

³ Там же.

Математический папирус. Задачи на решение объема усеченной пирамиды.

Древнеегипетская карта звездного неба.

...Смерть стоит передо мною сегодня, как выздоровление от болезни, как выход после болезни.
Смерть стоит передо мною сегодня, как запах благоуханий, как сидение под парусом в ветреный день.
Смерть стоит передо мною сегодня, как запах лотоса, подобно сидению на берегу пиროвания.
Смерть стоит передо мною сегодня, как окончание ненастья, как возвращение человека из похода в дом свой...
Смерть стоит передо мною сегодня, как желание человека видеть дом свой после того как многие годы провел он в заключении¹.

Но его «дух» — его душа, его разум полны сомнений. Можно ли жизнь считать местом заключения, а смерть родным домом? Не правильнее ли «изгнанием человека из его дома» назвать смерть? Разве можно считать истинными учения жрецов о погребальном ритуале, если у тех, кто строил себе пышные гранитные усыпальницы, жертвенники так же пусты и они так же забыты, как и бедняки, умершие на берегу без погребения и без родных? Тщетны надежды на посмертное блаженство и бессмертие; реальная ценность — лишь сама жизнь.

«То, что мне сказал мой дух: «Разве ты не человек? Разве (ты думаешь вечно) быть живым?.. Зачем же тогда кончаешь ты жизнь преждевременно... Если вспомнишь ты о погребении — это горе, это вызывание слез, это огорчение людей. Это изгнание человека из его дома, удаление его на высоту. Не выйдешь ты больше наружу, чтобы увидеть солнца! Строившие из гранита, воздвигавшие в пирамиде залу... — жертвенники их пусты, как и у бедняков, умерших на дамбе без близких... река взяла их конец так же, как и солнца, и с ними беседуют прибрежные рыбы. Послушайся меня, ведь хорошо слушаться человеку! Проводи веселый день, забудь печаль...»²

И хотя в конце концов дух обещает поступить так, как захочет его собеседник, сомнения и религиозное неверие, пронизывающие этот текст, делают его одним из замечательных памятников свободомыслия древнего Египта.

¹ Ю. П. Францев, *У истоков религии и свободомыслия*, стр. 523.

² М. Э. Матье, *Из истории свободомыслия в древнем Египте*, сб. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 3, 1956, стр. 384.

МИР НЕ СОЗДАН НИКЕМ ИЗ БОГОВ

Средиземноморье вошло в историю человечества как район, где сложились основные центры великой античной цивилизации. В середине этого протяженного моря, воды которого и разделяли и связывали три континента мира — Европу, Азию и Африку, — уже во II тысячелетии до н. э. сложилось критское рабовладельческое государство. На обоих берегах и островах Эгейского моря в I тысячелетии возникли многочисленные очаги греческой цивилизации — Милет, Эфес, Афины. На Апеннинском полуострове в эту же эпоху возникают Рим, Сиракузы, Тарент. На противоположном африканском берегу еще раньше возник Карфаген. Эти имена и географические названия, как вехи, отмечают основные этапы исторического развития этого района от распада родовых отношений, через возникновение городов-государств к сложению огромной единой рабовладельческой державы всего Средиземноморья.

Религиозные представления у различных народов этого обширного района имели, разумеется, свои особенности. Однако в основе их и здесь лежат верования в сверхъестественный, божественный характер стихийных сил природы: небесных светил, безбрежного неба, грозы и бури, дождя, землетрясений, болезней. И здесь человека поражает тайна плодоносной силы земли и тайна «умирания» и «воскресения» зерна. На Крите и далеко за его пределами был распространен культ быка

как олицетворения мужской производящей силы природы, и позднее в поэтических сказаниях греков сам человекоподобный Зевс не раз принимает образ быка, выдавая тем самым свою исходную принадлежность к этому кругу представлений. В районе Эгейского моря был широко распространен культ богини плодородия, начала всякой жизни, «матери земли», от которой все

Культ бога-топора на Крите.

исходит и в которую все возвращается. На более поздней ступени развития общества эти и другие божества природы наделяются антропоморфными чертами. Они не только изображаются в виде людей, но и награждаются человеческими свойствами: они радуются, печалятся, нуждаются в пище, ссорятся, прелюбодействуют, страдают и даже в некоторых случаях нечисты на руку. Так же как на земле в условиях господства родовой аристократии, верховная власть на небесах сосредоточена в руках знатной семьи — Кронидов, потомков бога быстротечного и бесконечного времени Крона. Подобно тому как на земле родо­вая знать строила свои дворцы

на вершинах холмов, религиозная фантазия построила небесный дворец верховного бога Зевса на высочайшем «холме» Греции — Олимпе. Так же как в архитектуре земных дворцов центральное место отводилось залу совещаний и пиров — мегарону, мегарон сооружается религиозной фантазией и в божественных апартаментах Зевса.

В дальнейшем, по мере развития и усложнения общественных отношений на земле, происходят соответствующие превращения и на Олимпе. Во время господства родовой знати небожители, сохраняя свои функции богов природы, стали

и покровителями знатных родов. Когда же родовая знать пришла в упадок, боги наследовали еще одну человеческую черту: они предали своих прежних подопечных и в угоду новым социальным силам превратились из покровителей родовой аристократии в защитников и охранителей их врагов — греческих рабовладельцев городов-государств. Боги «переселяются» в построенные для них храмы в пределах подопечной территории. Они начинают «опекать» простонародье — ремесленников, купцов. Они не гнушаются теперь посетить мастерскую гончара, «охраняя» печь от происков злокозненных демонов: Горшколомов, Нетушимов, Разбиваев, которые мешают правильному обжигу и вызывают брак; они посещают мастерские кузнецов, поля земледельцев, палатки торговцев, способствуя успеху их предприятий. При этом отношения между богами и людьми чисто деловые:

Поклонение божеству, олицетворенному в гигантском змее. Вотивное приношение Зевсу-милостивцу.

«...Но ведь от малых плодов и ты немного получишь,— говорит старик-земледелец, персонаж одной из древнегреческих эпиграмм, прося у божества плодородия хорошего урожая.— Если умножишь плоды, больше получишь и сам»¹.

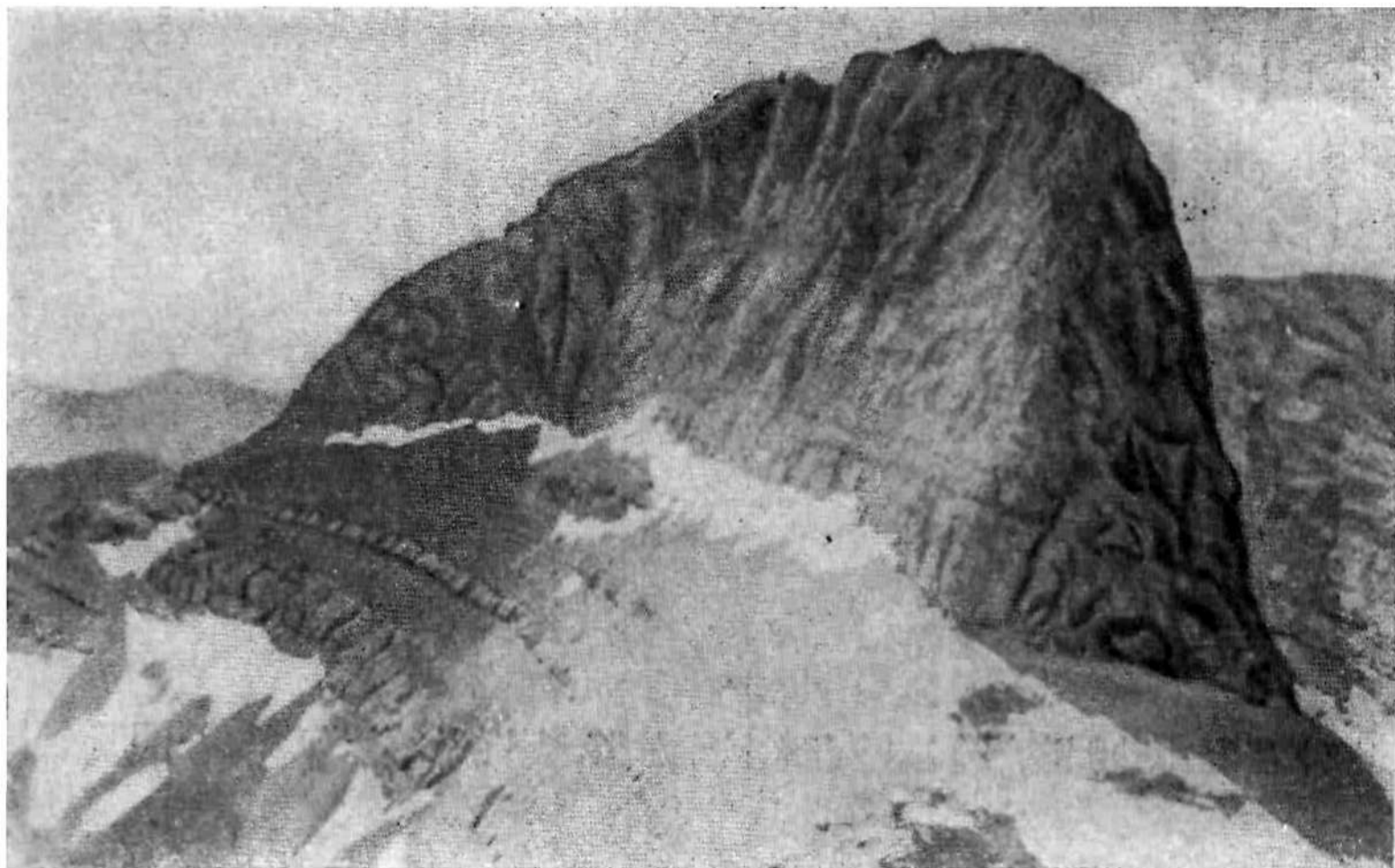
Так изменения материальных и социальных условий жизни древних греков вносят коррективы и в их религиозные представления. И хотя Олимп сохраняется, он приобретает новые черты: бог Посейдон, первоначально божество водной стихии, становится вместе с тем и местным покровителем города-государства Коринфа, и покровителем коринфского гончарного производства. Богиня Афина, вначале покровительница оливководства, затем, в эпоху господства родовой знати, богиня-воительница, в новых условиях приобретает функции покровительницы Афинского государства.

* *

*

Рост ремесла, торговли, земледелия; связанное со всем этим более интенсивное общение с цивилизациями Востока значительно расширили общий кругозор и положительные знания греков этой поры. Достижения египтян и вавилонян в области математики, медицины, астрономии становятся постепенно достоянием наиболее образованных греков. С другой стороны, рост производительных сил самого эллинского мира открывает возможности для самостоятельного накопления новых знаний. На этой основе в наиболее развитых греческих городах — Милете, Эфесе и других начинает развиваться наука, которая в первую очередь занимается исследованием наиболее общих вопросов мирового правопорядка. Древние мудрецы задаются целью объяснить, как устроена природа, что такое мир, небо, светила, откуда появились люди и какова история земли. Разумеется, данные, находящиеся в их распоряжении, были еще настолько скромны, что не давали возможности правильно ответить на поставленные вопросы. Но обобщая некоторые наблюдения, мыслители древней Греции сумели сделать весьма интересные выводы. Так, из того факта, что

¹ К. М. Колобова и Л. М. Глушкина, Очерки по истории Греции, М., 1958, стр. 235.

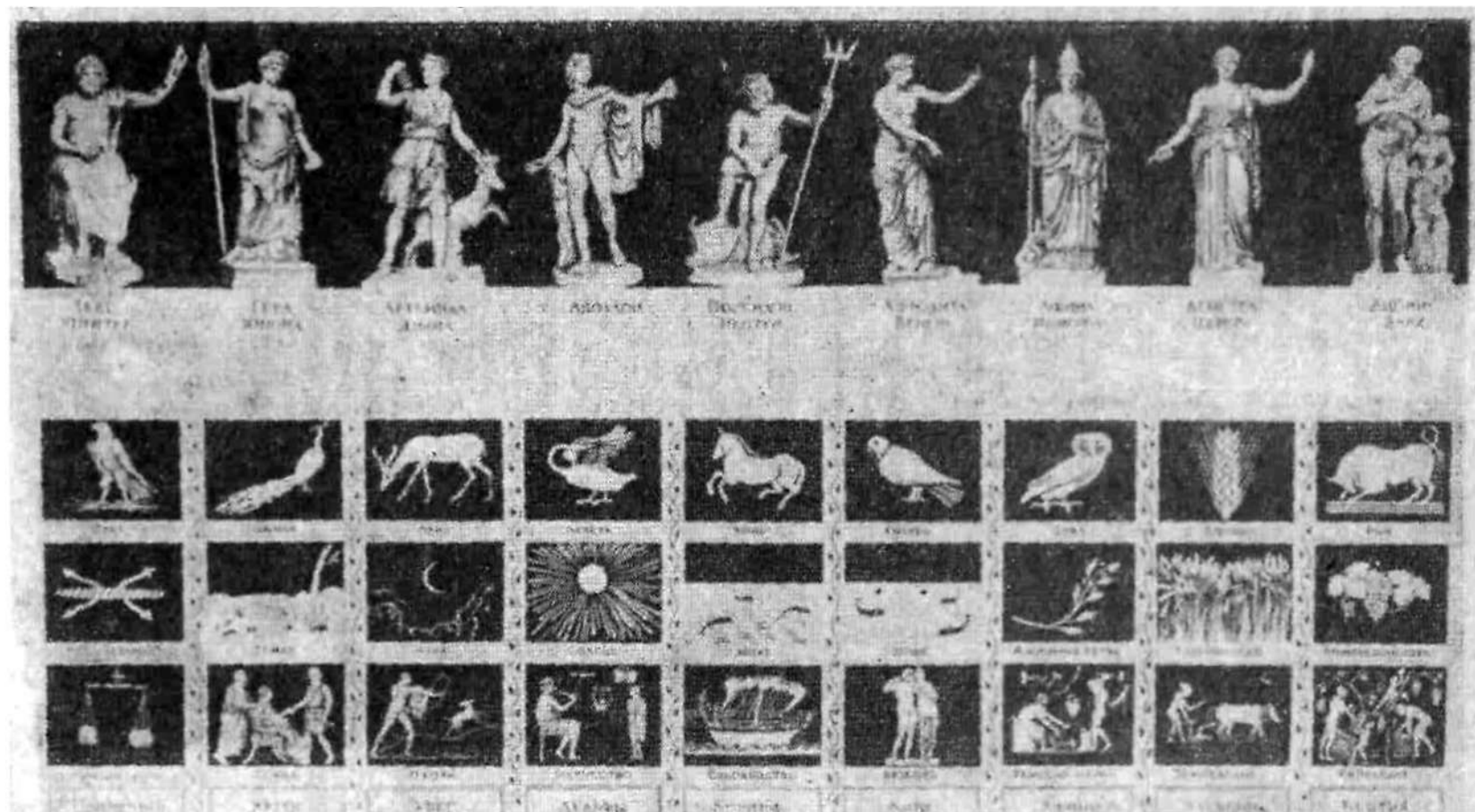
Гора Олимп — местопребывание верховных греческих богов.

винные меха, надутые воздухом, становятся упругими, было сделано обобщение, что существует некое бесцветное, безграничное, беспредельное тело — воздух. В небесных светилах древние ученые видели не божества, а гигантские огненные колеса, вращающиеся вокруг Земли; вопреки религиозным представлениям своего времени о сотворении людей богом, о золотом веке на заре человеческой истории, античные мыслители выдвинули очень наивное, но лишенное божественности объяснение о происхождении людей от рыб. Наконец, мир в представлении этих греческих натурфилософов выступал как материальное начало. Основой его они считали мельчайшие материальные частицы. И хотя их представления об этих частицах примитивны (одни считали ими воду, влажное, другие — воздух, газообразное и т. п.), это был важный шаг вперед на пути к отказу от сверхъестественного в объяснении природы.

Таким образом, первые стихийные материалисты — натурфилософы Фалес, Анаксимен и другие, хотя и не отрицали ни религии, ни религиозных обрядов, тем не менее своим материалистическим подходом к объяснению явлений природы открыли дорогу свободомыслию и религиозному скептицизму.

В этом отношении большой интерес вызывает поэт и философ Ксенофан, живший, по-видимому, во второй половине VI — начале V вв. до н. э. Продолжая ту же материалистическую линию в объяснении явлений окружающего мира, что и его предшественники, он сумел сделать важные естественнонаучные открытия. Так, по сообщениям древних авторов, Ксенофан из того факта, что морские раковины находят вдали от моря «и даже на горах» и что «в Сиракузах в каменоломнях находят отпечатки рыб и тюленей», сделал важный вывод относительно истории земли. Некогда, считал он, «земля долгое время подвергалась разжижению водой». Он утверждал, что существует какая-то повторяемость этого явления и что «люди погибнут, когда вся земля, погруженная под воду, превратится в грязь; а затем снова начнется рождение (животных из грязи); такова судьба каждого нового мира»¹.

¹ См. С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки, М.—Л., 1947, стр. 48.

Боги-покровители древнегреческих рабовладельческих государств.
 Эволюция представлений о богах.

Эта своеобразная, хотя и наивная, теория «циклизма» в возникновении и гибели жизни на Земле не содержит ничего от божественного «акта творения».

Ксенофан отрицал божественное происхождение культурных достояний человечества. «Неверно,— говорил он,— что боги открыли смертным все с самого начала: нет, люди постепенно искали и находили все лучшее и лучшее»¹. Он остроумно иронизировал над существовавшими в его время представлениями об умирающих и воскресающих богах. «Если это боги,— говорил он,— не оплакивайте их, если же это люди — не приносите им жертв»². Он издевается над религиозно-мистическим учением некоторых философов о переселении душ из одного существа в другое. Так, об основателе мистической школы пифагорейцев он передает такой анекдот:

Раз он приходит и видит: визжит от побоев собачка.
Жаль ему стало, и он слово такое изрек:
«Полно! Не бей! В этом визге покойника милого голос:
Это родной мне щенок, друга я в нем узнаю»³.

Вместе с тем Ксенофан еще не был атеистом. Он признавал существование бога, не вмешивающегося в дела людей и недоступного человеческому познанию, и ополчался против Гомера и Гесиода, наделивших своих антропоморфных богов низменными человеческими качествами.

Но даже на этих позициях «защиты бога» Ксенофан выступает как замечательный мыслитель, натурфилософ, мудрец, который еще в VI веке до н. э. сумел сформулировать мысль о том, что люди создают богов по своему образу и подобию.

Если бы руки имели быки или львы, или кони,
Если б писать точно люди умели они что угодно,—
Кони коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый
сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле сопричислен⁴.

В конце VI — начале V вв. до н. э. в одном из значительных малоазийских городов-государств жил знамени-

¹ См. С. Я. Лурье, Очерки по истории античной науки, стр. 47.

² Там же.

³ Там же.

⁴ История философии, т. I, М., 1957, стр. 85.

тый греческий мудрец, философ-материалист Гераклит, сочинения которого, к сожалению, до нас дошли лишь в жалких отрывках. Однако, несмотря на фрагментарный характер, они представляют большой интерес для

Гермес похищает жертвенное приношение с алтаря Зевса. Комическая сценка, представленная в античной вазовой живописи.

истории античного свободомыслия, и некоторые из них уже давно приобрели характер крылатых выражений у многих народов мира. Это ему принадлежат известные изречения: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». «Все происходит через борьбу и по необходимости». В этих словах эфесский мудрец выразил ту правильную мысль, что все в мире находится в постоянном движе-

нии, изменении, борьбе и что ход различных событий подчинен естественным законам природы, а не сверхъестественной божественной воле.

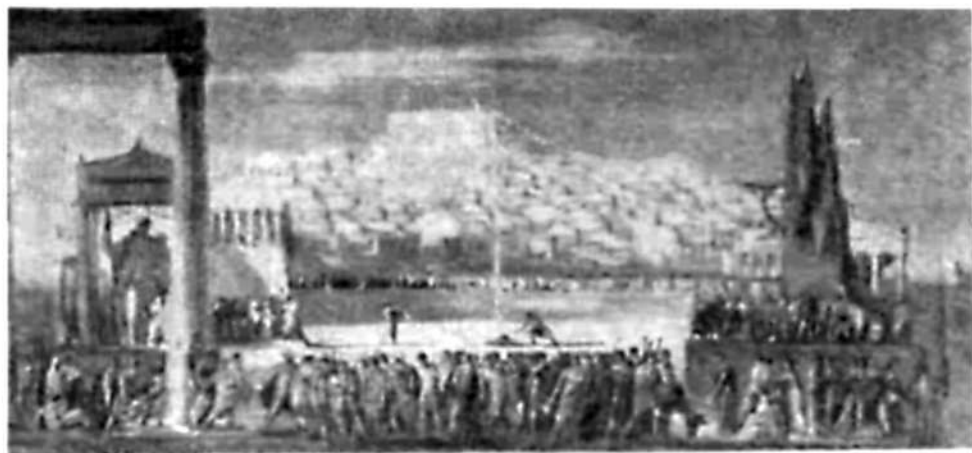
«Мир единый из всего,— говорил Гераклит,— не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и

Зевс при пособничестве Гермеса пробирается в окно красавицы. Комическая сценка, представленная в античной вазовой живописи.

будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим»¹. Как и его предшественники, он был стихийным материалистом. Он думал, что перво материалом, из которого состоит мир, является

¹ История философии, т. I, стр. 81.

Сожжение сочинения философа Протагора «О богах».
С картины худ. Мулльера.

огонь, и всё (через ряд превращений) возникает из огня и возвращается в огонь.

Гераклит считал, что истинный мудрец должен строить свои заключения на основании изучения природы, наблюдения над природой и осмысления этих наблюдений «психеями», разумом, «душой». «Мышление — великое достоинство, — говорил он, — и мудрость состоит в том, чтобы... прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно»¹.

Такой подход позволил Гераклиту усомниться в значении религиозных обрядов и религиозных установлений. Его острые вольнодумные афоризмы направлены против погребального ритуала, культа мертвых, кровавых жертвоприношений. Разве не безумны те, говорил он, кто надеется кровью жертвенного животного очиститься от совершенных кровопролитий и дурных дел? Это все равно, саркастически замечает он, как если бы кто-нибудь, попав в грязь, попытался очиститься грязью же. Разве не смешно молиться каменным изваяниям статуй? Это все равно «как если бы кто-либо захотел разговаривать с домами»².

Такие взгляды Гераклита и его предшественников являлись важной вехой в истории свободомыслия античного мира и были подхвачены и развиты следующими поколениями материалистов.

¹ Материалисты древней Греции, М., 1956, стр. 51.

² Там же, стр. 41—42.

Гераклит.

Во второй половине V и первой трети IV века до н. э. в Греции жил известный философ и ученый Демокрит. Родиной его был фракийский город Абдеры.

Демокрит много путешествовал. Он совершил поездки в Египет, Вавилонию, Персию, Аравию, Индию и Эфиопию. Он учился у знаменитых философов Греции. Страсть к наукам привела его на грань разорения и даже послужила косвенной причиной возбуждения против него судебного преследования. Но, оста-

ваясь равнодушным к житейским невзгодам, Демокрит со страстью истинного человека науки продолжал предаваться своим занятиям и вскоре сделался самым образованным человеком того времени и глубоким умом, который одинаково широко разбирался в вопросах философии и физики, биологии и математики, логики и техники. Опираясь на свои энциклопедические знания, Демокрит дал грандиозную картину строения мира, которая в основной своей идее не утратила значения до начала нынешнего века.

По Демокриту весь мир и все вещи построены из мельчайших, невидимых частиц материи, которые он называл атомами — «неделимыми». Эти своеобразные кирпичики мироздания находятся в вечном движении и, носясь в течение всей вечности, сталкиваются друг с другом, сплетаются и снова расходятся. При этом и образуются такие сочетания, которые составляют «и все прочие сложные (тела) и наши тела, и их состояния и ощущения»¹. Что касается самого движения атомов, то Демокрит объяснял его законами механической необходимости. Это объяснение, конечно, с точки зрения совре-

¹ Материалисты древней Греции, стр. 61.

менной науки, не выдерживает критики, но для того времени оно явилось огромным шагом вперед. Оно отвергало религиозные утверждения о божественной целесообразности, будто бы существующей в мире. Оно приводило к выводу, что и небо, и Земля, и Солнце, и звезды не вечны. Оно подрывало религиозные представления о бессмертии, и на протяжении ряда веков крупнейшие мыслители-материалисты античности будут беспрестанно возвращаться к вопросам, которые поставил абдерский мудрец.

Естественнонаучные взгляды Демокрита на строение вселенной и на причины происходящих в ней изменений должны были привести великого мыслителя к столкновению с религиозными учениями. Это в первую очередь касалось вопроса, который во все времена был своего рода пробным камнем как для религии, так и для свободомыслия — к вопросу о загробном мире. Этой теме Демокрит посвятил работу под названием «О том, что после смерти».

Среди современников Демокрита были широко распространены представления о бессмертии и переселении души. Этих взглядов держались не только люди из простонародья, но и некоторые идеалистические философские школы (например, пифагорейцы). Демокрит в названной выше работе отвергал эти взгляды. Смерть, по Демокриту, есть распад организма на первоначальные атомы, она вытекает из естественных законов строения мира, следовательно, она не может быть преодолена никакими религиозными обрядами. Страх перед смертью, говорил он, породил как представления о загробной жизни, так и сложный погребальный ритуал. И то и другое бессмысленно и вызвано невежеством людей, незнанием подлинных естественных законов строения мира. «Некоторые люди, не зная о разрушении смертной природы (человека), терзаемые сознанием дурно проводимой жизни, мучатся в течение (всей) своей жизни, (пребывая) в треволнениях и страхах, и измышляют лживые басни о том, что будет после смерти»¹. В другом месте он говорит, что «глупцы, ненавидя жизнь, тем не менее хотят жить из страха перед муками ада»².

¹ Материалисты древней Греции, стр. 141.

² С. Я. Лурье, Очерки по истории античной науки, стр. 278.

Демокрит.

Демокрит первым из древнегреческих мыслителей попытался объяснить причины возникновения религиозных представлений у людей. «Древние,— писал он,— наблюдая небесные явления, как-то: гром, молнии, перуны, сближения звезд, затмения солнца и луны, приходили в ужас и полагали, что виновники этого — боги»¹.

Таким образом, Демокрит впервые в истории общественной мысли выдвигает естественнонаучное объяснение происхождения религии:

беспомощность человека перед грозными стихийными силами природы — вот причина возникновения религии, говорит он. Для того времени это была великая мысль. Она могла сложиться только на основе тех положительных знаний, которые уже накопил древний мир и которыми в значительной мере овладел абдерский мудрец. И хотя Демокрит был не до конца последователен и в ряде случаев сам не вполне освободился от суеверий своего времени и даже стремился некоторые из них объяснить естественными законами, значение и величие учения Демокрита о религии не может быть уменьшено. Его теория происхождения религии была подхвачена и развита последующими поколениями материалистов античного мира. Обогащенная достижениями прогрессивной общественной мысли нового времени, она вошла в арсенал воинствующего атеизма и наших дней.

Шесть десятилетий спустя после смерти Демокрита в Афинах возникла и получила широкую известность философская школа, которая называлась «Садом Эпи-

¹ Материалисты древней Греции, стр. 143.

кура». Главой этой школы был Эпикур, «великий муж» даже по сдержанным отзывам его идейных противников.

Эпикур своими воззрениями, своим миропониманием, своей идейной линией в философии был связан с отцом атомистики — Демокритом, «в первоисточниках коего, — по несколько язвительному каламбуру Цицерона, — он оросил свои сады»¹.

Одним из главных атеистических положений афинского философа был тезис: «Ничто не происходит из несуществующего». Этим утверждалось единоправное господство естественных закономерностей в природе и отрицалось какое бы то ни было сверхъестественное, божественное воздействие на происходящие в мире явления и события. Эпикур был материалистом. Подобно Демокриту он считал, что вся бесконечная вселенная и множество миров, и отдельные вещи в этих мирах, в том числе и Земля, и человек, и его разум, — все состоит из мельчайших первооснов — неделимых, нерасторжимых, находящихся в постоянном движении атомов. Рождение и смерть вещей и даже целых миров происходит в результате различных комбинаций этих мельчайших частиц; соединения их приводят к образованию вещей, распад — к гибели этих последних. Эти выводы античного материализма относительно строения вселенной афинский мудрец переносил в область житейскую, в область практической деятельности отдельного человека. Не следует человеку надеяться на помощь богов, на их справедливость. «Глупо, — говорил он, — просить у богов то, что человек способен сам себе доставить»².

Эпикур считал, что главной заботой подлинного мудреца должно быть просвещение людей и врачевание их душ от бессмысленных страхов, порождаемых религией. «Пусты слова того философа, — говорил он, — которыми не врачуется никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезни из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души»³. Поэтому он стремится объяснить различные

¹ Материалисты древней Греции, стр. 142.

² Эпикур, Письмо к Геродоту, I, 38. В кн. *Лукреций, О природе вещей*, т. II, М., 1947, стр. 529.

³ *Лукреций, О природе вещей*, т. II, стр. 623.

стихийные силы природы, исходя из естественных причин, которые человек познает в практической деятельности, в опыте.

Учение Эпикура было направлено против народных верований и религиозной мистики. Небесные тела — Солнце, Луна — не божества, учил афинский мудрец. Их восход и закат также не божественного свойства. Они совершают свое движение по небосклону согласно естественным законам. Точно также молния, ураган, дождь не заключают в себе ничего божественного. Они не являются волеизъявлением высших сил и духов. Это определенные сочетания атомов. И хотя конкретные объяснения этих явлений Эпикуром иногда носят примитивный и даже ошибочный характер, главное их достоинство заключается в изгнании сверхъестественного при объяснении природы.

Видя свою задачу во врачевании людских душ, Эпикур выступает против религиозного объяснения таких явлений, как жизнь, смерть, загробное существование. Душа, говорит он, так же материальна, как тело; она также состоит из мельчайших неделимых частиц, поэтому она подчиняется тем же естественным законам, что и другие материальные тела. Когда человек умирает, распадаются, рассеиваются атомы, составлявшие его душу. Следовательно, душа не может обладать бессмертием. Поэтому неправы те, кто стремится «родившись, как можно скорее пройти врата Аида», кто жаждет смерти, «как отдохновения от зол жизни». Но неправы и те, кто, восприняв религиозные представления о подземном царстве, опасностях и страданиях, которые будто бы ждут человека после смерти, чрезвычайно страшатся этого. «Ведь все хорошее и дурное, — говорит Эпикур, — заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений»¹. Отвергая таким образом веру в существование загробного воздаяния и самого загробного мира, Эпикур приводит против страха смерти довод, который с тех пор сделался крылатой фразой: «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы уже не существуем»².

Отсюда проистекает важное жизнеутверждающее по-

¹ См. Лукреций, *О природе вещей*, т. II, стр. 591.

² Там же, стр. 593.

ложение Эпикура: мудрец не уклоняется от жизни и не отравляет свое существование призрачным страхом перед потусторонними муками. Счастливая жизнь заключается в наличии удовольствий и в отсутствии страданий.

Идейные враги Эпикура, начиная с идеалиста Платона и кончая отцами церкви, стремясь опорочить учение Эпикура, исказили смысл его призыва к удовольствиям. Они изобразили Эпикура и его приверженцев

Эпикур.

людьми распутными, погрязшими в беспробудном пьянстве и разврате. Но эти богословские инсинуации полностью опровергаются учением самого Эпикура: «Когда мы говорим,— пишет он,— что удовольствия есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствие, заключающееся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог»¹.

В этом освобождении от душевных тревог изгнание религиозных вымыслов и суеверий должно занять видное место. И Эпикур посвящает этому немало прекрасных строк. «Сны не имеют божественной природы и вещей силы»²,— говорится в одном из изречений Эпикура. «Если бы бог внимал молитвам людей, то скоро все люди погибли бы, постоянно моля много зла друг другу»³,— говорит он в другом. Он отвергает власть

¹ Эпикур, Письмо к Менекею. В кн. *Лукреций, О природе вещей*, т. II, стр. 597.

² *Лукреций, О природе вещей*, т. II, стр. 615.

³ Там же, стр. 643.

судьбы над человеком. Он говорит, что нужда и опыт, а не боги научили людей различным ремеслам и послужили источником разных открытий. И хотя в учении Эпикура встречаются отдельные места, где как будто признается существование каких-то блаженных, не имеющих никакого отношения к людям богов, в целом его учение остается ярким памятником атеистической мысли античной Греции.

Это отметил величайший атеист античности Лукреций в своей поэме «О природе вещей»:

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом...
Эллин¹ впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молнии, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли...²

Еще более высокую оценку деятельности Эпикура в плане истории борьбы атеизма и религии дали Маркс и Энгельс в работе «Немецкая идеология». Эпикур, писали они, «был подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведёт своё начало атеизм римлян... Поэтому Лукреций и прославлял Эпикура как героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию, поэтому же у всех отцов церкви, от Плутарха до Лютера, Эпикур слышит безбожным философом *rag excellence*³, называется свиньей; вследствие чего и Климент Александрийский говорит, что когда Павел ополчается против философии, то он имеет в виду только эпикурейскую»⁴.

¹ Имеется в виду Эпикур.

² Лукреций, *О природе вещей*, т. I, М., 1946, I, 62 сл.

³ По преимуществу.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 127.

КАКИМ ОБРАЗОМ ВСЕ ПРОИСХОДИТ БЕЗ ПОМОЩИ СВЫШЕ?

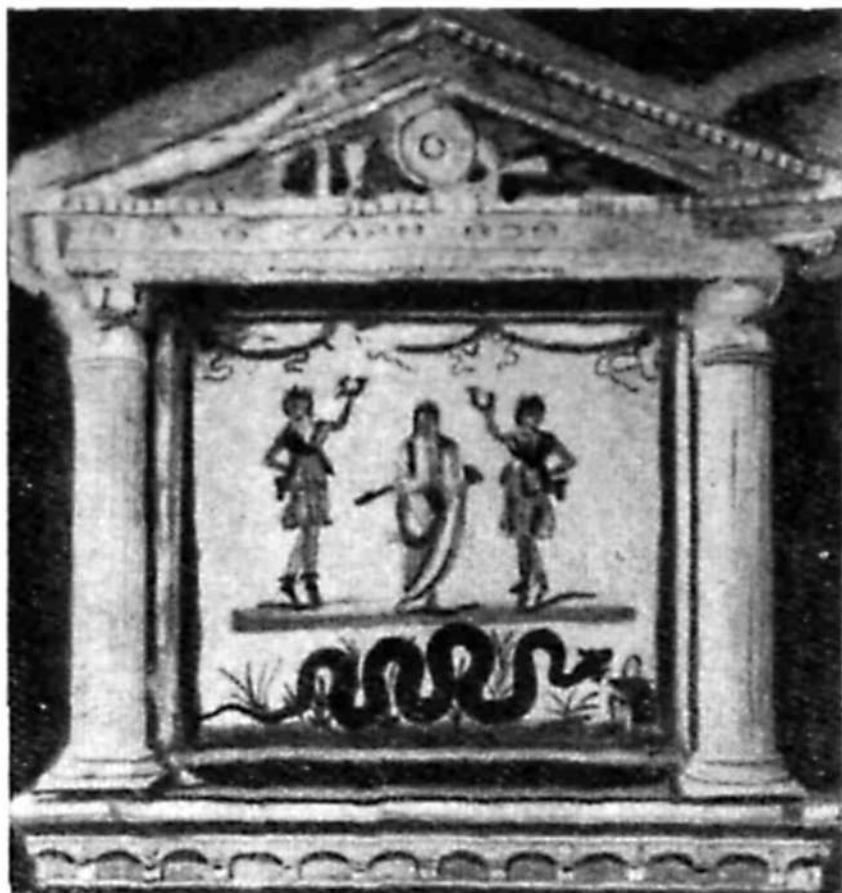
В первой половине I столетия до н. э. в Риме — столице огромной рабовладельческой державы жил выдающийся мыслитель и поэт Лукреций, сочинение которого по праву считают вершиной античной атеистической мысли. Его поэма «О природе вещей» и сейчас широко известна во всем мире и представляет собой огромную сокровищницу антирелигиозных идей, выработанных всей историей античной общественной мысли.

Лукреций жил в один из наиболее бурных периодов истории римского рабовладельческого общества. Социальные потрясения, такие как восстание рабов под руководством Спартака, перемежались кровопролитными битвами внутри класса рабовладельцев и бесконечной изнурительной борьбой между отдельными политическими деятелями. Марий и Сулла, Цицерон и Катилина, Помпей и Цезарь — лишь отдельные звенья этой длинной цепи политических деятелей, которые, по образному выражению Лукреция, исходили «кровавым потом» в борьбе за власть.

Разумеется, эти кровавые распри, которые самым непосредственным образом отражались на благосостоянии, безопасности и самой жизни современников, чрезвычайно обострили интерес общества к той стороне духовной жизни, которую римляне обозначили латинским словом «религия».

В рассматриваемый период религия римлян отличалась чрезвычайным смешением разнородных и разновременных представлений.

Религиозные установления предков, сохранившие множество очень примитивных черт, продолжали быто-

Домашние божества римлян: лары и гении домашнего очага.

вать и в это время. Римский пантеон не знал себе равных по численности. Античный историк Варрон насчитывал более 30 000 чрезвычайно «специализированных» «отчих» богов. Богиня первых родовых болей и отдельно богиня самого рождения, богиня первого крика новорожденного и отдельно богиня сосания груди, богиня, заведующая приданым, и богиня супружеских размолвок. Божества тропинок, холмов, горных вершин и равнин; божества межи и пограничного камня, божества порога,

дверей, дверных петель и дверного крюка... Пенаты, лары, маны — они окружали римлянина на протяжении всей его жизни, не оставляя вне своего внимания ни одного поступка и события.

Такое необычайно узкое разделение функций божеств, отсутствие у большинства из них конкретных образов, истории, мифологии, сами их имена, представляющие собой всего лишь обозначение их функций, — все это обличает сохранение в римском культе чрезвычайно первобытных фетишистских представлений. В конце республики повсюду встречается еще поклонение камням, древесным стволам и другим фетишам, в отдельных случаях, впрочем, олицетворяющим образы и верховных римских богов.

Такие же черты примитивности сохранились и в самом ритуале. Отправление культа носило характер сделки с божеством, где обе стороны обязывались к выполнению договорных условий. «Do ut des — я даю тебе, чтобы ты дал мне» — этот принцип римского культа, в недрах которого таились многие элементы первобытной магии, предполагал строгое соблюдение обряда, тонкое знание того, к какому божеству нужно обратиться с той или иной просьбой, какие молитвенные формулы, какие жертвоприношения, в какой последовательности при этом должны быть осуществлены. Считалось, что малейшее нарушение ритуала, самая незначительная неточность в исполнении церемонии делают недействительным все богослужение и вынуждают к неоднократным повторениям. Мертвые окаменелости формул и обрядов, смысл которых во многих случаях был уже непонятен, тяготели над римлянином со дня его рождения до смерти и даже после смерти угрожали ему всякими бедами.

Эти черты римского культа были осложнены наслоениями греческих религиозных представлений. По-видимому не без влияния последних из обширного, но в общем бесцветного собрания римских богов выделяются верховные божества, которые в ряде случаев сопоставляются и отождествляются с аналогичными персонажами греческого Олимпа. Так, бог неба Юпитер, наделенный эпитетами «милосерднейшего» и «величайшего», отождествляется с верховным греческим божеством Зевсом — громовержцем, Сатурн — с греческим

Кроном, Диана — с Артемидой, Венера — с Афродитой и т. п.

Воздействие греческого Олимпа на религиозные представления римлян тем более облегчалось, что Рим

Аллегория смерти.

Крылатый демон смерти уносит душу умершего.

не выработал сколько-нибудь сложной собственной мифологии. Образно выражая эту мысль, римская поэзия отмечала, что поля Италии никогда не вспахивались огнедышащими быками, никогда не засеивались зубами

чудовищного дракона и никогда не рождали, как в известных греческих мифах, вооруженных до зубов воинов. При таких обстоятельствах греческая мифология «сравнительно свободно проникала на римскую почву, более или менее успешно подыскивая в греческих легендах объяснение давно уже утратившим какой-либо смысл римским обрядам»¹.

Третьей составной частью религиозных верований римского общества были восточные культы. Сложившись в иной этнической и культурной среде, имея в своей основе иные социально-экономические и политические отношения, они, по мере усиления связей античного мира с Востоком, вместе с купцами, воинами и рабами все более широко проникают в пределы римского государства. Строгие предписания сената, требовавшие недопущения чужеземных культов, оказались не в состоянии остановить это движение. Культ египетских богов Сераписа и Исиды, культы сирийской богини Атаргатис (к покровительству которой прибегал вождь восставших сицилийских рабов Евн), фригийской великой матери богов Кибелы, фракийского Сабазия, иранского Митры и других распространяются по всей державе.

Таким образом, религиозные верования времени Лукреция представляли собой пестрое смешение разнородных культов и суеверий, оплетавших всю общественную и частную жизнь. Различного рода заклинания, оракулы, исконно римские, как, например, гадание по полету птиц, по внутренностям животных и т. п., или экспортированные с Востока, как прорицания бесноватых пророков богини Исиды, Кибелы, составление гороскопов и т. п., сопровождали всякое начинание римлянина. Можно сказать, что ни одно дело, государственное или частное, будь то избрание часа битвы или отправление религиозного пиршества не осуществлялось без предварительного выяснения благоприятности или неблагоприятности предзнаменований. Вера в судьбу, в предопределение, вечная надежда верхов и низов на неведомый случай, который на глазах у всех поднял из неизвестности и возвысил таких баловней богини Судьбы, как Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, и вместе с тем вечный страх

¹ Г. Буассье, Римская религия от времени Августа до Антонинов, М., 1914, стр. 45.

Исида и Серапис с змеевидными телами.

перед роком постоянно тяготели над умами людей. Писатели этого времени, может быть несколько сгущая краски, отмечали, что нет человека, который бы не боялся заклинаний и ворожбы, и что все вызывает у римлянина чувство неуверенности и страха: предсказания бродячего оракула, пролетающая птица, раскаты грома, встреча с гаруспиком¹.

С другой стороны, среди некоторой части общества распространился дух сомнения и неверия. «Если ты меня спросишь, — говорит один из персонажей римского философа Цицерона, — что такое божество и каково оно, я воспользуюсь примером

Симонида... который отвечал... что чем дольше он раздумывает, тем вопрос ему кажется темнее. Много ведь попадаетея такого и смущает так, что иногда кажется — совершенно нет таких богов»².

Распространению неверия способствовал не только примитивный характер старых религиозных представлений, но и несомненный рост положительных знаний в это время. На этой основе возникла потребность в переоценке многих старых представлений официальной религии. Как расценивать деятельность авгуров и гаруспиков? Что думать о благочестии, набожности, обрядах жертвоприношений? Как относиться к религии и самим

¹ Гаруспики — жрецы-предсказатели в древнем Риме; гадали обычно по внутренностям жертвенных животных.

² Цицерон, О природе богов, гл. 1, ст. 22.

бессмертным богам? — вот вопросы, которые занимают определенные круги римского общества.

Появившаяся в этой обстановке поэма Лукреция, в которой он рассматривает вопрос «о сущности высшей небес и богов», является ответом выдающегося мыслителя на злободневные вопросы его времени.

* *
*

«Из ничего не творится ничто по божественной воле»¹. Это положение — отправной пункт всех рассуждений Лукреция. Чтобы «освободить дух человека от тесных тенет суеверий», — говорит поэт, —

...Мы должны не только в небесных явлениях
Дать себе полный отчет: в движениях солнца с луною,
Как происходят они, и какой совершается силой
Все на земле, но и то со вниманием разумом чутким
Выяснить, в чем состоит души природа и духа...²

Люди не знают внутреннего «строя» природы, они живут в потемках невежества, они не знают, что может происходить, что не может, «какая конечная сила каждой вещи дана, какой ей предел установлен». Они не знают и «каким образом все происходит без помощи свыше...»³ И это приводит их к старым суевериям и к признанию над собой власти строгих хозяев — богов.

Лукреций настойчиво утверждает мысль о противоположности религии и науки. Религия внушает человеку превратные представления о природе мироздания, говорит он. «Уздой религии стянутый», человек лишен возможности познать мир, ему внушается, «...будто солнце, земля и луна, и звезды, и море, и небо вечно остаться должны, обладая божественным телом...»⁴ Ему прививается мысль, что знание противно божественной воле и тот, кто «расторгает» оплот мироздания «своим разумением», кто стремится познать мир, подвергнется

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, I, 150.

² Там же, I, 127 сл.

³ Там же, I, 155.

⁴ Там же, V, 114 сл.

жестоким карам. Он выступает против пророков, чьи нелепые бредни нарушают все устои жизни.

На этой основе Лукреций на протяжении всех шести глав своей поэмы подвергает критике различные религиозные представления, противопоставляя им естественнонаучное объяснение мира. Мир, говорит он, материален, мельчайшие кирпичики мироздания — атомы являются первоначалами всех явлений и вещей от мельчайших до огромных, от простых до сложнейших. Ничтожная былинка и огненное солнце, отдельная песчинка пустыни и звездные миры, примитивное животное и «тонкая ткань» человеческой души — всё состоит из мельчайших первоначал — атомов. Мир материален, вселенная бесконечна, и движения и изменения, происходящие в природе, вызваны не действиями богов, а естественными причинами. «Первоначала», всячески между собой сочетаясь, «...пришли и в такое движение, которым держится нынешний мир в постоянном своем обновлении...»¹, — пишет поэт.

Большое место уделено в поэме так называемым «чудесным явлениям», в которых суеверная толпа видела «знамения» и божественное предуказание. Чтобы просветить своих современников, Лукреций дает подробное естественнонаучное объяснение «природы» молнии, грома, «летучего огня». Чтобы человек «не дрожал безумно», сиюсь понять, откуда явился и как проник сквозь стены летучий огонь неба, чтобы он не думал, что «все это божьим веленьем творится»², чтобы он не рылся напрасно в старинных вещаниях, стремясь «указаний искать сокровенной божественной воли»³, необходимо знать «природу» этого естественного явления. И поэт подробно и добросовестно, с позиций современной ему науки, дает свои объяснения. Точно также он стремится объяснить и природу смерча, землетрясений, вулканов, болезней, камня, «который греки зовут магнитом...»⁴ И хотя его объяснения для нашего времени представляются в ряде случаев наивными и даже неверными, для века Лукреция их значение было огромно: религиозному, идеалистическому объяснению мира он

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, V, 193—195.

² Там же, VI, 86 сл.

³ Там же, VI, 382.

⁴ Там же, VI, 423—1090.

смело противопоставил объяснения естественнонаучные, основанные на материалистическом понимании явлений и отрицании божественных сил.

* *
*

В религиозных представлениях римлян, как и других народов, вопрос о душе, ее сущности и ее «превращениях» занимал существенное место. С представлениями о душе, вселяющейся в человека при рождении и покидающей его после смерти, связывалось множество суеверий и домыслов. Душа — местожительство страха, говорит автор поэмы «О природе вещей». И верный своему стремлению освободить «дух человека от тесных тенет суеверий», от страха и от гнета религии, Лукреций одну из шести глав своего произведения целиком посвящает этому вопросу.

Какова «природа» души? рождается ли она вместе с телом? внедряется ли позже? погибает ли со смертью? нисходит ли в подземное царство? — в этом перечне вопросов, на которые отвечает римский мыслитель, нетрудно увидеть причудливые верования его современников.

Наибольшим распространением в это время пользовалось учение идеалистической философской школы стоицизма. Стоики учили, что душа имеет божественную природу, что она обладает бессмертием. Против этих взглядов Лукреций обрушивает всю силу своего сатирического таланта и искусства полемики.

Если «душа,— говорит он,— обладает бессмертной природой и поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь, то почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей, не сохраняем следов совершавшихся раньше событий?»¹ Если душа однажды улетела из брэнного тела, где ее терзали болезни и невзгоды, зачем она стремится вселиться в другое такое же? Если душа бессмертна и «вечно меняла бы тело на тело», то должен был бы меняться нрав у животных: гирканские псы бежали бы от рогатых оленей, сокол страшился бы голубки, «ум оставлял бы людей, разумели бы дикие звери»².

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, III, 670 сл.

² Там же, III, 741 сл.

В таком же духе Лукреций опровергает и другие доводы сторонников божественной и бессмертной природы души. При этом он прибегает к сатирическим приемам, окрашивает все эти рассуждения убийственной иронией: души бессмертны, тем не менее они, очевидно, стремятся вырваться из дряхлеющих членов, опасаясь быть погребенными вместе с ними; души божественны, однако они, по-видимому, охотятся за каждым телом, стремясь приобрести себе какое ни на есть обиталище.

И не смешно ль, наконец, что стоят при сонтьях любовных
И при рожденьи зверей в нетерпении души на страже:
Смертного тела они, бессмертные, ждут не дождутся
В неисчислимом числе и, бросаясь стремительно, рвутся
Первое место занять и скорее других водвориться?
Или, быть может, у них установлены точно законы,
Что прилетевшая первой душа и внедряется первой
И никаких состязаний и распрей у них не бывает? ¹

Таким взглядам на «природу души» Лукреций противопоставляет взгляды эпикуреизма. Душа, по учению Лукреция, материальна, смертна и не может быть отторжена от тела без того, чтобы оба не погибли.

Как можно заключить из разных мест поэмы, в понятие «душа» Лукреций включает и понятие «дух», которое он иногда отождествляет с понятием «ум». Дух — активное начало, но он вместе с тем часть души, одно из проявлений сущности души.

Я утверждаю, что дух и душа состоят меж собою
В тесной связи и собой образуют единую сущность,
Но составляет главу и над целым господствует телом
Разум, который у нас зовется умом или духом ².

Очевидно, полемизируя с теми, кто отрицает материальную сущность души, Лукреций многократно подчеркивает ее «атомистичность». В том же духе наивно-материалистических представлений эпикуреизма Лукреций говорит о «мельчайших», «тончайших» «основных телах» — первоначалах, составляющих душу, о необычайной тонкости «ткани души» и вместе с тем сложности ее.

Значительное место Лукреций уделяет доказательствам естественной и нерасторжимой связи души с телом. Идеи, высказанные им здесь, коренным образом

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, III, 776 сл.

² Там же, III, 136 сл.

расходятся с представлениями официальной религии о божественной сущности души, ее самостоятельности и бессмертности. Душа присуща живому телу, вне тела она не может существовать, «ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом и без гибели их обоюдной нельзя их расторгнуть»¹. Душа рождается вместе с телом, «еще находясь в материнской утробе», вместе с ним растет и вместе с ним гибнет, так как «природа их обоюдна».

Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.
Позже, как в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.
После ж, когда уже все расшаталось от старости тело
И одряхлели от лет всеильных разбитые члены,
Разум хромее, язык заплетается, ум убывает,
Всё пропадает тогда и всё одновременно гибнет.
Следственно должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь как дым, уноситься в воздушные дали,
Так как, мы видим, она, одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет².

* *

*

Проблема смерти и бессмертия разрабатывается Лукрецием также чрезвычайно подробно и широко, в масштабах всей Вселенной. Космическая основа аргументаций Лукреция придает им размах, отвечающий значительности проблемы: страх перед смертью наряду с религией — главные отрицательные герои поэмы. Страх перед смертью, говорит автор, толкает людей на преступления, делает их восприимчивыми к разнообразным суевериям, делает их жизнь жалкой и тягостной.

Проблему смерти и бессмертия Лукреций ставит в масштабе всего космоса: «мятущиеся» в бесконечном движении в беспредельной вселенной «первоначала» — атомы образуют миры и междумирия, солнца и земли, небеса и воды, растения и животных и бесчисленные множества всяких других сочетаний. Эти сочетания первоначал от мала до велика смертны.

Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря,—
Настежь отверста она и зияет огромную пастью³.

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, III, 326—327.

² Там же, III, 447 сл.

³ Там же, V, 373 сл.

Необходимость смерти Лукреций обосновывает законами самого развития. «Рождаясь» и «развиваясь в радостном росте», тела более усваивают «первоначала» окружающей среды, чем выделяют. Когда же они достигают «предельной вершины», они начинают более терять, чем усваивать; по этой, в основном, причине они «справедливо должны погибать». И это относится не только к живым созданиям и предметам нашей земли, но и ко всему миру.

Лукреций.

Однако смерть не означает уничтожения самих «первоначал», и Лукреций неоднократно подчеркивает это: материя бесконечна и неуничтожима; если принять, что со смертью тела уничтожаются и мельчайшие атомы, образующие его,

а процесс зарождения новых тел между тем не прекращается, то пришлось бы также принять богословское утверждение, что нечто может образоваться из ничего, т. е. признать тем самым акт божественного творения. Лукреций отвергает это своим определением понятия смерти:

Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше¹.

Но смерть не способна убивать материю, она лишь растворяет данные их сочетания, расчищая тем самым путь к сложению новых сочетаний.

Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться².

Таким образом, говорит философ, любые сочетания атомов, от величайших миров до мельчайших вещей,

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, I, 670—672.

² Там же, I, 262 сл.

смертны, поскольку связи их раньше или позже могут быть расторгнуты разнообразными механическими силами.

Но что же в таком случае бессмертие? И Лукреций отвечает: бессмертны лишь сами атомы и бесконечная вселенная. Только они существуют вечно. Отдельные же миры, вещи и явления смертны. Они имеют начало и должны иметь конец. Небо и земля, горы и морские глубины, солнце и звезды — ничто не может избежать этой участи. Это естественный закон природы и никакого места для сверхъестественных, «божественных» причин здесь нет.

При этом Лукреций возвышается до понимания единства этих «розных» начал — смерти и бессмертия. Смертные тела состоят как сочетания «бессмертных» атомов. «Бессмертная» вселенная проявляется как совокупность «смертных» тел. Перенося эти идеи на мир живой природы, Лукреций создает яркую запоминающуюся картину:

...Никогда нельзя смертоносным движениям
Жизнь навек одолеть и ее истребить совершенно.
Но и движения, что жизнь создают и способствуют росту.
Вечно созданы свои сохранять нерушимо не могут.
Между началами так с переменным успехом в сраженьях
Испоконь века война, начавшись, вечно ведется:
То побеждают порой животворные силы природы,
То побеждает их смерть. Мешается стон похоронный
С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце.
Не было ночи такой, ни дня не бывало, ни утра,
Чтобы не слышался плач младенческий, смешанный с воплем.
Сопровождающим смерть и мрачный обряд погребальный¹.

В этом процессе вечного чередования жизни и смерти человеку не дано никакого исключения. Он подвержен тем же законам. Его тело, его душа, его дух под влиянием таких же естественных причин подвергаются «расторжению связей». Следовательно, нет никакого Ахеронта, — загробного мира, куда бы отправлялся человек, или его душа, или его бледная тень после смерти. В плане личном смерть для человека означает прежде всего лишение всякого чувствования. Следовательно, смерть делает человека невосприимчивым к страху,

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, II, 569 сл.

к страданиям, к боли и ко всему, чем религия населяет несуществующий загробный мир. Лукреций говорит, что страх смерти исходит из непонимания природы ее, и призывает отказаться от иллюзорных надежд и иллюзорных страхов, навеянных религией. Смерть — закономерность, внутренне присущая «природе тел», «природе миров», «природе человека», и нет разумных оснований стремиться к тому, что вопреки самой «природе вещей».

Смертные твари живут, одни чередуясь с другими,
Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколенья живущих сменяются в краткое время,
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни¹.

* *
*

«*Volentem ducunt fata, nolentem trahunt* — желающего судьба ведет, нежелающего тащит» — в этой римской поговорке конца республики — начала империи выражена одна из существенных черт идеологии этого общества — вера в могущество и неотвратимость «слепой судьбы» и всеилие «беспощадного рока». Эти идеи в учении философской школы стоиков выступали в форме представлений о провидении, божьем промысле, который якобы направляет ход событий в мире и предопределяет исход человеческих дел. Эти же представления нетрудно обнаружить и в народных суевериях и в официальном культе. Естественно, что великий римский просветитель уделил этому вопросу серьезное внимание.

При решении вопроса о фатуме — роковом начале, будто бы господствующем над миром, Лукреций опирался на учение Эпикура о самопроизвольном отклонении атомов. Это учение, явившееся одним из важнейших достижений античного материализма, было новым шагом в развитии атеистической мысли. «Собственным весом тела изначальные в некое время, — излагает Лукреций учение Эпикура, — в месте неведомом нам начинают слегка отклоняться» от отвесного направления². Это отклонение носит произвольный, случайный

¹ Лукреций, *О природе вещей*, т. I, II, 76 сл.

² Там же, II, 218—219.

характер. А раз это так, раз в основе строения мира и движения атомов есть элемент «случайности», значит никакого «беспощадного рока», никакого божественного предопределения, никакой судьбы нет. Создается возможность научно обосновать существование свободы воли, которая в действительности есть и не может не быть, но которая всячески заглушается религиозными представлениями о божественном предопределении. Это была чрезвычайно плодотворная и прогрессивная идея. Последовательно применяя ее, Лукреций сумел нарисовать замечательную по своей научной прозорливости картину происхождения и развития человеческого общества, во многом предвосхитив научные открытия нового времени. В этом эскизе истории человечества римский мыслитель не оставляет места для фатализма. Он смело расходится с традиционными богословскими взглядами на начальный этап человеческой истории, как на золотой век, когда «беспорочное» человечество будто бы блаженно существовало, не зная труда и борьбы. Эта, по выражению одного исследователя, «теологическая идиллия первобытного блаженства заменена у него натуралистической драмой всеобщей борьбы»¹. В тяжелом труде, утверждает поэт, в постоянной борьбе за существование протекала жизнь первобытных людей. Подобно животным бродили они в поисках пищи, не имея ни одежды, ни огня, ни орудий. «Капища нимф» — пещеры и гроты служили им жилищем, палки и камни — средством защиты и нападения. Лишь постепенно люди овладели искусством изготовления орудий, добывания огня, обработки полей... В отличие от теологических воззрений, по которым прародителями культурных достижений человечества считались боги и герои, Лукреций замечает, что «все это людям нужда указала, и разум пытливый этому их научил в движении вперед постепенном»².

Таким образом, идея божественного промысла, предопределения, рока решительно изгоняется римским атеистом из всех областей мироздания.

¹ В. Н. Марковников, *Идея культурно-исторического развития в поэме Лукреция*. «Научное слово», М., 1903, кн. X, стр. 104.

² Лукреций, *О природе вещей*, т. I, V, 1448 сл.

В век Лукреция в римской государственной религии и философском учении стоиков видное место занимали представления о божественной целесообразности, божественной гармонии, господствующей будто бы в мире и в обществе. Все, чем пользуются люди, утверждали стоики, заготовлено ради людей. Вселенная, солнце, луна, виноградная лоза, звери и животные — все гармонично создано для них. К чему другому овцы, как не к тому, чтобы их шерстью одевались люди. Шея быка создана для ярма, а широкие плечи для влечения плуга, свинья удобна для питания людей, поэтому божественный промысел сделал ее наиболее плодовой. Пассаты дуют для умерения жары, ночь сменяется днем для упорядочения работы и отдыха. Подобно тому, как архитектор планирует сточные каналы подальше от зрения и обоняния жильцов, божественная природа убрала подальше от этих органов и стоки организма...

Лукреций решительно отвергает все это. Те, кто не знает свойств материи, говорит он, «думают нам вопреки, что без воли богов неспособна» природа творить то, что привлекает к себе людей и необходимо для их жизни. Но это противоречит здравому смыслу. Ибо, если бы даже природа первоначал не была разгадана, можно было бы по небесным и другим явлениям считать достоверным, «что не для нас и отнюдь не божественной волею создан весь существующий мир: столь много в нем всяких пороков»¹. Обосновывая это положение, Лукреций приводит множество примеров неустроенности мира и отсутствия в нем «божественной», разумной целесообразности. Разве можно говорить, что «поднебесная громада» — Земля создана для людей, если значительная часть ее занята непригодными для человека лесными чащами, полными всяких опасностей, горами, болотами, морями, «широко разделившими» страны, если две другие части отнимают у «смертного рода» знойные и ледяные пустыни. Разве целесообразно, что то, что остается под пашню, природа стремится покрыть бурьяном и человек, защищая свою жизнь, вынужден «тяжко взды-

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, II, 181—182.

хать» над крепкой мотыгой и бороздить поля «нагнетаемым плугом». Никаким божьим промыслом без трудовых усилий людей полезные растения не пробьются к солнцу. Но часто бывает, что плоды тяжкого труда губят зной или дожди, или холодные ветры. Где же в этом божественная целесообразность?.. Если мир создан божественной волей для человека, почему природа кормит и плодит враждебных человеку хищных зверей, почему «с переменой погоды» болезни губят людей, почему их настигает преждевременная смерть, почему они рождаются беспомощными? В ряде случаев опровержение божественной целесообразности получает у Лукреция некоторое социальное звучание. Вероятно, опираясь на примеры политической и социальной неустроенности своего времени, он сетует на то, что «не боящийся гнусных проступков» не получает «божественного возмездия», а «не знающий злодеяний» невинно страдает. Он отмечает, что золото и пурпур отравляют жизнь заботами и страхом, что «великие волны» войны мучат людей, что «люди иные порой ради имени гибнут и статуй»¹. Он подчеркивает, что «денег алчба» и «почестей жажда слепая» толкает людей на преступления и, очевидно имея в виду определенные круги римского общества, говорит, что они «кровью сограждан себе состояния копят и жадно множат богатства свои, громоздя на убийство убийство...»² Подобного рода примеры неустроенности самой природы и человеческой жизни побуждают Лукреция сделать следующий вывод:

Думать же, что для людей изготовить изволили боги
Дивную мира природу... только безумье одно³.

Но Лукреций не только опровергает учение стоиков и официальную римскую религию. Он стремится дать естественнонаучное объяснение того «правопорядка» в мире, который теология расценивает как божественную целесообразность.

Как же случилось то, что стеченье материи дало
Землю и своды небес, а также и моря глубины,
Солнца пути и луны,— разъясню я теперь по порядку.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольню

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, III, 78.

² Там же, II, 59 сл.

³ Там же, V, 156 сл.

Все остроумно в таком разметились стройном порядке
 И о движеньях своих не условились раньше, конечно.
 Если ж начала вещей во множестве, многообразно
 От бесконечных времен постоянным толчком подвергаясь
 Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
 Всячески между собой сочетаясь и все испытывая,
 Что только могут они породить из своих столкновений,—
 То и случается тут, что они в этом странствии вечном,
 Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
 Сходятся так, наконец, что взаимная их совокупность
 Часто великих вещей собой образует зачатки:
 Моря, земли и небес, и племени тварей живущих¹.

* *
*

В системе атеистических взглядов Лукреция видное место отводится вопросам происхождения религии. Объясняя «природу вещей», в том числе и историю становления человеческого общества и общественных порядков, Лукреций вполне последовательно останавливается и на сущности, на «природе» религии:

...мне объяснить остается...

Как в наше сердце проник этот ужас и страх пред богами,
 Всюду, на всём протяжении земли, охраняющий святость
 Капиш, озер и дубрав, алтарей и богов изваяний².

Здесь он центральную роль отводит страху. Разве не спирает дыхание ужас перед божеством, замечает поэт, когда небо оглашают раскаты грома и молния опалает землю? Разве не страшится могучий предводитель флота, владычествующий над легионами и боевыми слонами, когда неистовый ветер мчит его по волнам? Разве не молит он тогда богов о затишье и не дает им разных обетов? Перед грозными стихийными силами природы, перед лицом крушения целых цивилизаций и мощных городов, перед лицом ниспровержения «властителей грозных» поколения «смертных» всецело «богам оставляют чудные силы и власть управления всею вселенной»³.

Другим источником религиозных суеверий, в конечном счете также обусловленным страхом смерти, является невежество. Страх смерти, отмечает Лукреций, порождает идею бессмертия. И то и другое идет от непо-

¹ Лукреций, О природе вещей, т. I, V, 416 сл.

² Там же, I, 64 сл.

³ Там же, V, 1211 сл.

нимания «природы» самого человека, «природы» жизни и смерти, от незнания того, что смерть «с корнем» увлекает человека из жизни, что с нею кончаются ощущения, что она затрагивает в равной мере тело и душу, ибо они не могут иметь раздельного существования. Это незнание в свою очередь порождает веру в загробный мир со всеми его устрашающими атрибутами.

Лукреций пишет, что, пытаясь разгадать природу сновидений, пытаюсь объяснить, почему, когда тело распростерто в безмятежном покое, человек тем не менее в сновидениях видит солнце, участвует в битвах, беседует с умершими родственниками, люди и приходили к неправильным выводам о бессмертии и самостоятельном существовании души. Точно также, стремясь уяснить себе природу эха, невежественные люди часто впадают в ошибки и измышляют всяких страшилищ. «Издали,— иронически замечает Лукреций,— слышит народ деревенский, как Пан ¹, головою полужвериной качая венки из веток сосновых, часто поджатой губой скользит по стволам тростниковым, чтоб на цевнице его заливалась Муза лесная» ². Так, подчеркивает Лукреций, в процессе познания «...от примет небольших мы приходим к огромным выводам, сами себя в западню вовлекая обмана» ³.

Лукреций отмечает, что наблюдения человека над явлениями мироздания часто уводят его к вере в богов. Созерцая «строгий порядок» «вращения неба», смену времен года, проявления сил природы, мощь которых заставляет «к земле поникать головою», люди, не сумев познать их естественной закономерности, «богам поручили все это, предполагая, что все направляется их мановеньем» ⁴.

...Ибо, когда мы глаза подымаем к небесным пространствам,
Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,
И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,
То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:
Нет ли над нами богов, безграничная мощь которых
Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды? ⁵

¹ Пан — древнегреческое лесное божество; изображался с козлиными ногами и рогами, играющим на флейте.

² Лукреций, О природе вещей, т. I, IV, 586 сл.

³ Там же, IV, 816—817.

⁴ Там же, V, 1183 сл.

⁵ Там же, т. I, V, 1204 сл.

Чрезвычайный интерес представляют те стороны поэмы, в которых можно усмотреть контуры идеи фантастического отображения в религиозных представлениях земных отношений. Представления о Тантале, над которым нависает камень, грозящий его раздавить, порождены, замечает Лукреций, страхом человека перед случайностями судьбы. Трагедия Сизифа есть отображение бесплодных усилий людей, стремящихся к господству и к власти. Тюрьмы, свержение со скалы, палачи, пытки, плети, смола, раскаленные прутья, вечный страх наказания, преследующий людей на земле, породили представления о Кербере, фуриях, лишенном света Тартаре.

...Все, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто,
Все, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней¹.

Еще более определенно эта мысль выражается им в другом месте:

Все остальное, что здесь, на земле, созерцают и в небе
Смертные, часто притом ощущая и страх и смущенье,
Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляет к земле поникать головой, потому что
В полном незнании причин вынуждаются люди ко власти
Вышних богов прибегать, уступая им царство над миром².

* * *

*

Таковы взгляды великого мыслителя, философа и поэта Лукреция на религию. Унаследовав достижения своих предшественников — античных материалистов, он в своей философской поэме развернул грандиозную по своей научной прозорливости и по охвату материала картину мироздания. При этом он пришел к выдающимся для своего времени открытиям в понимании существа и происхождения религии, предвосхитив многие достижения атеистической мысли нового времени.

Учение Лукреция — вершина античной атеистической мысли. Оно как бы подводит итог полутысячелетнему развитию античного атеизма, являясь тем самым значительным этапом во всеобщей истории атеизма.

¹ Лукреций, О природе вещей, III, 978—979.

² Там же, VI, 50 сл.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Библейские выкладки относительно продолжительности и времени жизни отдельных ее персонажей побудили богословов сделать соответствующие хронологические расчеты. По этим «расчетам» от сотворения мира до наших дней прошло всего 7 с лишним тысяч лет, человек создан на шестой день творения и, следовательно, настолько же моложе Земли, религия возникла одновременно с человеком, она будто бы была заложена в человеке от рождения, и в этом — залог ее неистребимости и вечности.

Современная наука внесла в эти богословские конструкции существенные «поправки». Геология наших дней на основании совершенных научных методов установила, что возраст Земли исчисляется в 5 миллиардов лет. Совместными усилиями ряда наук выяснено, что человечество имеет «от роду» около одного миллиона лет, а религиозные представления возникли у людей примерно на 900 000—950 000 лет позже начала формирования человека и становления человеческого общества.

Таким образом, современная наука со всей непреклонностью устанавливает, что нет никакого «врожденного», как утверждают теологи, религиозного чувства и что самому появлению религии в истории человечества предшествовал чрезвычайно длительный безрелигиозный период. Следовательно, религия явление временное, историческое, преходящее. Она не всегда существовала

и не всегда будет существовать. Она была порождена определенными условиями жизни людей, определенными условиями их материального и духовного бытия. Первоначально бессилие человека перед стихийными силами природы, а позднее его бессилие и страх перед непонятными ему социальными силами породили богов.

Но уже на заре письменной истории передовая общественная мысль, опиравшаяся на научные достижения и положительные знания своего времени, смело вступила в борьбу за освобождение человеческого духа от «пут суеверий». Великие мыслители Китая, Индии, Переднего Востока, Средиземноморья внесли свой вклад в сокровищницу мировой прогрессивной общественной мысли. Их критика религии и аргументы, применявшиеся при этом, производили глубокое впечатление на современников. Они оставляют яркое впечатление и сейчас. Идеи, выдвинутые ими, явились важным шагом во всеобщей истории свободомыслия и атеизма. Обогащенные новым подходом и новыми научными данными, эти идеи во многом не утратили своего значения и на современном этапе борьбы за свободное, научное, атеистическое мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- К. Маркс и Ф. Энгельс*, О религии, М., 1955.
В. И. Ленин, О религии, М., 1955.
А. Ф. Анисимов, Об истинном и иллюзорном в первобытных воззрениях на природу. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 5, М., 1958.
В. Ф. Зыбковец, Всегда ли существовала религия, М., 1959.
История философии, т. I, изд. АН СССР, М., 1957.
А. П. Каждан, Религия и атеизм в древнем мире, М., 1957.
И. А. Кривелев, Гносеологические корни религии. Сб. «Вопросы истории религии и атеизма», т. 6, М., 1958.
Г. М. Лившиц, Атеизм в древности и в средние века, Минск, 1959.
И. Д. Панцхава, Атеизм в прошлом и настоящем, М., 1958.
Ш. Эншлен, Происхождение религии, М., 1954.
Ю. П. Францев, У истоков религии и свободомыслия, М.—Л., 1959.

КИТАИ

- С. Георгиевский*, Мифические воззрения и мифы китайцев, СПб., 1892.
Г. О. Монзелер, Религия в Китае. Сб. «Китай», изд. АН СССР, М.—Л., 1940.
А. А. Петров, Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель, М., 1954.
А. А. Петров, Очерк философии Китая, Сб. «Китай», изд. АН СССР, М.—Л., 1940.
Я. Б. Радуль-Затуловский, Великий китайский атеист Фань Чжэнь. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. I, М., 1958.
М. Рейснер, Идеологии Востока. Очерки восточной теократии, М.—Л., 1927.
Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, М., 1958.
Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950.
Ян Хин-шун, О борьбе материализма с идеализмом в древнем Китае. Журн. «Вопросы философии», № 2, 1953.
Ян Хин-шун, Из истории китайской философии, М., 1956.
Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957.

ИНДИЯ

- Н. П. Аникеев*, Материализм и атеизм системы Санкхья раннего средневековья. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1947.
Н. П. Аникеев, Материалистические направления в древнеиндийской философии, М., 1957.
Г. Ф. Ильин, Религии древней Индии, изд. АН СССР, М., 1959.
Э. Маккей, Древнейшая культура долины Инда, М., 1951.
Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955.
С. Радхакришнан, Индийская философия, т. I, М., 1956.
С. Чаттерджи и *Д. Датта*, Древняя индийская философия, М., 1954.
Ф. Н. Щербатский, Научные достижения древней Индии, Л., 1924.

БАВИЛОНИЯ И ЕГИПЕТ

- М. Э. Матье*, Из истории свободомыслия в древнем Египте. «Вопросы истории религии и атеизма», № 3, 1956.
М. Э. Матье, Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956.
Н. М. Никольский, Культура древней Вавилонии, Минск, 1959.
В. В. Струве, Диалог господина и раба о смысле жизни. Сб. «Религия и общество», Л., 1926.
А. И. Тюменев, О предназначении людей по мифам древнего Двуречья. «Вестник древней истории», № 4, 1948.
Н. А. Шолло, К вопросу о древнеегипетских заупокойных статуэтках, именуемых «ушебти». «Вестник древней истории», № 2, 1940.

ГРЕЦИЯ

- М. А. Дынник*, Очерк истории философии классической Греции, М., 1936.
А. Ф. Лосев, Античная мифология в ее историческом развитии, М., 1957.
С. Я. Лурье, Демокрит, М., 1937.
С. Я. Лурье, Очерки по истории античной науки, М.—Л., 1947.
А. О. Маковельский, Древнегреческие атомисты, Баку, 1946.
Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура, Госполитиздат, М., 1955.
С. И. Радциг, Античная мифология. Очерк античной мифологии в освещении современной науки, М., 1939.
Б. Рассел, История западной философии, М., 1959.
В. Е. Тимошенко, Материализм Демокрита, М., 1959.
Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества, т. II, М., 1959.

РИМ

- Г. Буассье*, Римская религия от времени Августа до Антонинов, М., 1914.
Г. Буассье, Падение язычества, М., 1882.
Лукреций, О природе вещей, изд. АН СССР, т. I, 1946, т. II, 1947.
Н. А. Машкин, Эсхатология и мессианизм в последний период Римской республики. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. III, 1946, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ	3
II. КИТАЙ	14
III. ИНДИЯ	28
IV. ВАВИЛОНИЯ И ЕГИПЕТ	43
V. ГРЕЦИЯ	61
VI. РИМ	79
VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	99
Литература	101

Кубланов М. М.
**МЫСЛИТЕЛИ ДРЕВНОСТИ
О РЕЛИГИИ**

Редактор Л. Филиппов
Художник Г. Мануйлов
Художественный редактор Г. Семиреченко
Технический редактор Т. Попова
Ответственный корректор В. Луковецкая

Сдано в набор 5 ноября 1959 г. Подписано в печать 7 января 1960 г.
Формат 84 × 108^{1/2}. Физ. печ. л. 3^{1/4}. Условн. печ. л. 5,33. Учетно-издат. л. 5,1.
Тираж 75 тыс. экз. А 01504. Заказ № 985. Цена 1 р. 20 к

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства
культуры СССР, Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 20 к.

ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1960